

Анатолий ЖДАНОВ

г. Петрозаводск

Военное детство. Каким видится оно теперь, спустя многие десятилетия? Не все из нашего опаленного войной поколения детей, родившихся в предвоенные тридцатые годы, перенесших ужасы бомбежек, эвакуацию, голод, холод и болезни, вернулись домой в освобожденную от врагов Карелию и мой родной Петрозаводск. Тысячи детских могилок остались на дорогах от Онежского озера до Красноярского края, многие дети стали сиротами, потеряв родителей и близких в суровые военные годы. Но большинство – выжили, выдержали, выстояли, несмотря ни на что, участвовали в восстановлении Карелии.

Вслед за поколением фронтовиков уходит из жизни и наше поколение детей войны, остающихся последними живыми свидетелями сурового военного времени. Эти записки основаны не только на моих воспоминаниях о том времени, но и дополнены рассказами моих ровесников: родных, друзей, товарищей и просто знакомых – детей той жестокой войны.

Мой город родной

Мое довоенное детство прошло на Онежской набережной Петрозаводска в старом деревянном доме, стоявшем на перекрестке с улицей Ленина. Дом считался четырехквартирным, хотя квартиры №3 и 4 были фактически полуподвалами. Прямо перед нашими окнами красовался дом бывшего купца Тиккоева, вероятно самый оригинальный двухэтажный деревянный дом не только на Онежской набережной, но и во всем Петрозаводске. Через дом от нас в сторону городской пристани находился Дворец пионеров, открывшийся в 1937 году в здании бывшей Губернской земской управы.

Мои родители – Жданов Александр Васильевич и Терентьева Анастасия Ивановна – бывшие крестьяне из деревни Пелдожи Пряжинского района. В период коллективизации они переехали в Петрозаводск, здесь устроились на работу, женились, и в 1935 году я появился на свет.

Память сохранила наиболее яркие воспоминания о событиях с лета 1938 года, когда нашей дружной семье еще не коснулись зловещие сталинские репрессии. Отец в это время был рабочим-стахановцем

на лесозаводе №1, который находится у устья реки Лососинки на ее левом берегу. Мама работала подсобной рабочей в пекарне, которая находилась рядом, возле городской пристани. Я с трехлетнего возраста ходил в детский сад на улице Кирова. Он сохранился и поныне, это дом №26.

В нашем доме жили и наши близкие родственники, семьи маминых старших братьев Георгия Ивановича и Павла Ивановича Терентьевых. Павел Иванович – матрос линкора «Гангут» в Первую мировую войну и в годы революции – был заядлый рыбак, как и мой отец. И меня они уже с трехлетнего возраста брали с собой, отправляясь на Зимницкую луду ставить сети на ночь. Уловы были хорошие. Помню, как-то раз двуручная корзина была почти полна рыбы, а сверху лежал лосось длинной во всю корзину. Тогда многие наши соседи держали на берегу лодки и рыбачили. Вода в озере была чистая, и под пожарным

*Петрозаводск.
Онежская набережная*

*Петрозаводск.
Водная станция «Динамо»*

пирсом, в створе с улицей Ленина, водились раки, большие и очень вкусные.

Онежская набережная была красивой, вымощенной булыжниками улицей, застроенной в основном двухэтажными деревянными домами. Около домов были деревянные тротуары, а местами каменные плиты. Со стороны берега

тянулась тополиная аллея, ровесница Левашовского бульвара.

Жаркими летними днями горожане устремлялись на набережную с пыльных центральных улиц, чтобы надышаться чистым воздухом и искупаться. Берег для купания был малопривлекателен, в основном он был каменистым, но в створе улиц Малой и Большой Подгорной и улицы Ленина были пожарные пирсы, и купальщики охотно их использовали.

В 1934 году на Онежской набережной была построена водная станция «Динамо» – красивое сооружение, опирающееся на забитые в дно сваи и

*Петрозаводск.
Городской каток*

бревенчатые ряжи, заполненные камнем. На водной станции стояли два деревянных павильона с раздевалками, помещениями для хранения инвентаря, открытый плавательный 25-метровый бассейн с двумя вышками для прыжков: 5 и 3 метра.

В правом крыле за ряжевым волноломом была лодочная стоянка, в левом – стояли катера, яхты. На водной станции всегда было многолюдно: тренировались пловцы, гребцы, проводились соревнования.

Зимой на водной станции хозяевами становились лыжники. Когда озеро замерзло и не было торосов, на льду Петрозаводской губы появлялись буера. Это летние яхтсмены, превратившись в буеристов, стремительно проносились по зеркальному льду мимо восхищенных зрителей. Онежское озеро как магнит притягивало к себе жителей нашего города в любое время года.

После открытия Дворца пионеров на Онежской набережной стало еще многолюдней. В многочисленных кружках и секциях занимались сотни школьников. Кроме основного здания, в глубине двора открылась станция юных натуралистов и рядом с ней – стрелковый 25-метровый тир, где выполняли нормативы по стрельбе из малокалиберных винтовок на значок «Ворошиловский стрелок» не только пионеры, но и взрослые. Нередко, отстрелявшись, они сразу направлялись на водную станцию сдавать норматив и по плаванию.

На станции юных натуралистов был сад площадью около полугектара. Здесь юннаты выращивали цветы, декоративные кустарники и саженцы плодовых деревьев, учились делать прививки. Во время войны Дворец пионеров был разрушен, но станция юннатов сохранилась и продолжала работать до шестидесяти годов.

Драматическое событие произошло в нашей семье в декабре 1938 года. По ложному доносу был арестован мой отец. Видимо, план арестов «врагов народа» по 58-й статье в Карелии уже был перевыполнен, поэтому осужден он был «лишь» на три года. Но этого оказалось достаточно, чтобы навечно остаться в печально знаменитой «Норильской голгофе».

Ледовый аэродром в Петрозаводске

Военное детство для меня началось с Финской (Зимней) войны. Малоизвестная ее страница открылась прямо перед окнами моей комнаты, хотя об основных событиях войны я узнал, естественно, позже.

В начале войны на Петрозаводском направле-

нии воевали 168-я, 18-я, 139-я, 75-я и 155-я дивизии 8-й армии, воздушную поддержку которым оказывали два авиационных полка: 48-й истребительный и 72-й смешанный. В течение войны количество дивизий и авиационных полков возросло. Оборудованных аэродромов для базирования прибывающей из других военных округов авиации в Карелии не было, поэтому началось спешное сооружение прифронтовых ледовых аэродромов на озерах, возле которых имелись дороги для доставки авиационного топлива, боеприпасов, продовольствия. Такие зимние аэродромы были устроены на Пряжинском озере, Сямозере, Святозере и других озерах.

Зима 1939–1940 годов была холодной, и толщина льда на озерах была достаточная. Но у этих прифронтовых аэродромов был серьезный недостаток: на них трудно было организовать ремонт поврежденных самолетов. Передвижные авиаремонтные мастерские авиаполков с ремонтом на месте, видимо, не справлялись, и было решено дополнительно устроить авиамастерские в центре Петрозаводска, на льду озера между улицей Ленина и Левашовским бульваром. Выбор места был удачен: рядом, во дворе тиккоевского дома (улица Ленина, 2), находились мастерские артели «Техновес», в которых стояли металлообрабатывающие станки, несколько слесарных верстаков и даже кузница. Под потолком имелаась кран-балка с талью. Все это облегчало проведение несложного ремонта. На льду у берега была расчищена площадка для стоянки самолетов, которая была ограждена забором из колючей проволоки на столбах, вмороженных в лед. Стоянка была освещена и охранялась.

Оригинально была решена проблема доставки поврежденных самолетов с прифронтовых аэродромов. От самолетов отделяли крылья, пропеллер, а хвостовую часть устанавливали в кузов автомашины ГАЗ-АА (полуторки) и закрепляли. При этом шасси с колесами выполняли роль полуприцепа, на который опиралась самая тяжелая часть самолета – нос с двигателем. В таком виде самолеты И-15, И-16, И-16П с середины января 1940 года стали доставляться в Петрозаводск на ледовый аэродром для ремонта.

Решена была и жилищная проблема: авиатехники, ремонтники, охрана и летчики размещались в близлежащих домах. Для выполнения сложных работ приезжали специалисты с аэродрома «Пески». На льду у этих временных мастерских обычно находилось 5-6 самолетов. Пока на одних самолетах производили разборку, снятие и ремонт поврежденных узлов и деталей, другим уже снова присоединяли крылья, пропеллер, за-

меняли колесные шасси на лыжи, обкатывали двигатели. От ремонтной площадки прямо на льду была оборудована взлетно-посадочная полоса, отмеченная по бокам вешками.

Для петрозаводских ребятишек, живших поблизости, все происходившее было настолько интересным, что они забывали про свои зимние забавы, лыжи и коньки и всегда толпились на берегу в свободное от уроков время. По воскресным дням петрозаводчане приходили сюда иногда целыми семьями.

Все это происходило рядом с моим домом, и я стремился поближе к самолетам, чтобы рассмотреть их получше. Часовые на малышей почти не обращали внимания, а мы легко проползали под колючей проволокой в рыхлом снегу, сгорая от любопытства.

Однажды, пробираясь поближе к самолету, я неожиданно наткнулся на препятствие. Подняв голову, я увидел стоящего передо мной летчика. Глядя на меня, он улыбался, но строго спросил: «Куда?» Я растерялся и показал рукой на самолет. Он снова строго спросил: «Что, летчиком хочешь стать?» Я кивнул. Летчик отряхнул с меня снег и подвел к самолету. Это был И-16. Я, довольный, обошел самолет, который вблизи показался мне большим. Летчик спросил: «Хочешь посмотреть кабину?» Я, думая, что он шутит, недоверчиво посмотрел на него. Но он не шутил: поставил меня на крыло, поднялся сам и посадил меня в кабину. Но там мне все было непонятно и неинтересно. К тому же впереди я видел лишь крыши домов, больше ничего при моем росте из-за капота двигателя не было видно.

Высидев меня из кабины, летчик, снова улыбаясь, сказал: «Ты побывал у меня в гостях, теперь приглашаю меня к себе в гости на чай, замерз я, пока с тобой возился!» Мы вместе направились к нам. Было воскресенье, и все в нашей квартире оказались дома. Мама сразу же поставила греться самовар, поручив присматривать за ним моего двоюродного брата Ваню, жившего с нами после гибели его отца в трагическом 1937-м.

Тетя Валя принесла горячие оладьи. Вообще-то, она приходилась мне двоюродной сестрой, но была намного старше меня. Появились на столе варенье и калитки, стол поставили посреди комнаты, усадив летчика на почетное место в центре, и началось оживленное чаепитие с расспросами о войне. Тетя Валя вела беседу. Она недавно окончила учебу в Петрозаводском аэроклубе, и с летчиком у нее завязался профессиональный разговор о каких-то элементах, бочках, иммельманах, флаттерах, мертвых петлях... Остальные лишь внимательно слушали. Уходя, летчик пригласил тетю Валу на вечерний сеанс в кинотеатр «Красная звездочка», где в эти дни

демонстрировался недавно вышедший на экраны кинофильм «Истребители». Он еще раза два заходил к нам в гости, но ремонт его самолета закончился, и ему предстояло снова отправиться на фронт.

После ремонта самолеты совершали пробный взлет, делали круг над Петрозаводской губой и возвращались. На свои прифронтовые аэродромы самолеты обычно отправлялись парами. Они делали прощальный круг над городом и, «качнув приветливо крылом» провожающим, улетали на запад.

Последнее предвоенное лето

После окончания Финской войны из госпиталя вернулся наш сосед Петр Павлович Амосов, отец моего друга детства Юры. Петр Павлович был ранен в предплечье финским снайпером в Долине смерти под Питкярантой. Пуля прошла по руке от плеча до локтя, врачи госпиталя сумели извлечь пулю и сохранить руку. Но он долго еще после госпиталя ходил с подвязанной к груди рукой.

Запомнилось мне появление на Онежском озере больших грузопассажирских пароходов «Урицкий» и «Жданов». Тогда, в 1940 году, в Петрозаводске было создано Беломорско-Онежское пароходство, разместившееся в двухэтажном каменном здании на углу улиц Большая Подгорная и Онежская набережная.

Навигация 1941 года для парохода «Урицкий» началась неудачно. В первых числах июня на озере разыгралась буря, которая сорвала со швартовов пароход, стоявший у пристани, и понесла его в сторону водной станции «Динамо». Эта станция помогла спасти пароход, его прижало к ней сильнейшим ветром и волнами. Если бы пароход выбросило на прибрежные камни, последствия были бы намного серьезнее.

После шторма пароход был отбуксирован в Вознесенское, на судоремонтный завод. На заводе устранили повреждения, а после начала войны его переоборудовали в госпитальное судно и отправили на Ладожское озеро, где пароход использовали для эвакуации раненых бойцов 168-й дивизии из Сортавальского укрепрайона до 20 августа 1941 года.

Запомнился мне и последний мирный вечер накануне Отечественной войны, словно разделивший невидимой стеной мое детство на то, что было до войны, и то, что стало после начала войны. Это был обычный субботний вечер, когда после трудовой недели людям хочется отдохнуть в кругу семьи и друзей, сходить в кино, в сад отдыха или просто отправиться на рыбалку.

На Левашовском бульваре, находившемся всего в квартале от моего дома, у самой кромки берега располагалась открытая деревянная веранда, напоминающая танцплощадку. Она была огорожена невысокой легкой оградой, вдоль которой по всему периметру протянулись скамейки. Днем здесь родители катали в колясках своих малышей, здесь же гоняли на трехколесных велосипедах юные спортсмены, но по субботним и воскресным летним вечерам эта веранда иногда превращалась в импровизированный центр веселья, с песнями под гармошку, озорными частушками и даже танцами.

В основном здесь собирались жители из окрестных домов. Так было и 21 июня. На веранде появился столик с граммофоном, популярные пластинки, призывно из раскрытой трубы граммофона полилась мелодия старинного вальса «Над волнами».

Мои двоюродные брат и сестра Ваня и Тамара с подружкой стали торопливо собираться на Левашовский бульвар. Невысокий ростом Ваня для солидности даже надел галстук моего отца. Я, естественно, увязался за ними. Вначале пришедшие обходили знакомых, здоровались, беседовали, прислушиваясь к любимым мелодиям, но постепенно пара за парой в центре площадки закружились танцоры.

Пришли сюда и наши соседи: Петр Павлович с женой и сыном. Если Юра не спускал глаз со своих родителей, то я больше наблюдал, как танцуют Ваня и Тамара. Ваня, как воспитанный кавалер, по очереди приглашал то Тамару, то ее подружку. Держался он важно, в мою сторону даже не смотрел. Когда зазвучал вальс «На сопках Маньчжурии», мое внимание переключилось на Юриных родителей. Екатерина Ивановна бережно поддерживала раненую руку мужа, вела и кружила его, словно она была кавалером в этой паре. Казалось, этот вальс – для них и про них. Когда зазвучали слова песни:

*Плачет, плачет мать родная,
плачет молодая жена...*

они остановились, отошли к скамейке и сели. Лицо Петра Павловича было серьезно и отрешенно, словно он вспомнил и своих погибших товарищей, и то, что самому пришлось пережить, пробиваясь из окружения.

Но не только грустные песни и мелодии звучали на танцевальной площадке. Лирические песни о любви чередовались с бодрыми фокстротами, задушевыми танго.

Откуда-то с верха бульвара появилась шустрая компания девчонок-выпускниц, сбежавших со своего выпускного школьного вечера. Быстро перебрав пластинки, они нашли что искали. Станцевали зажи-

гательную «Рио-Риту» и, убедившись, что кавалеров их возраста здесь явно недостаточно, всей компанией отправились по Онежской набережной в сторону городского сада отдыха. Там, в городском саду, гремел духовой оркестр, работал летний кинотеатр, различные аттракционы и можно было с ветерком покататься на «Чертовом колесе».

Длинный июньский день подходил к концу, а на танцплощадке Левашовского бульвара под популярное довоенное танго «Утомленное солнце» плавно двигались пары.

*Утомленное солнце нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась, что нет любви.
Мне немного взгрустнулось без тоски и печали...*

Огромный диск солнца, на который уже можно было смотреть без темных очков, словно в такт песне опускался вдали за темную прибрежную полосу леса. В последних лучах солнца блеснули золотистыми красками сосновые стволы на горе Большая Вара, а лучи ярко осветили серую скалу Чертова Стула и на короткое время исчезли, чтобы, снова появившись, осветить снизу редкие облака, плывущие по небу, которые стали похожи на огромных розовых фламинго, залетевших в наш северный край. А задушевное танго уже в который раз звучало из старенького граммофона:

*Мы простимся, я не буду злиться,
Виноваты в этом ты и я...*

Никто из танцующих не знал, что это танго является для них последним мирным предвоенным танцем на пороге войны. Уже в этот вечер 21 июня в 23.00 фашистские минные заградители «Бруммер», «Таннерберг», «Ганзаштадт Данциг», «Кобра», «Кениг Луиза» и «Кайзер» приступили к минным постановкам в Финском заливе, выйдя из финских портов Хельсинки и Турку, а финские призывники по объявленной еще 17 июня мобилизации концентрировались около советской границы, формируясь в новые роты, полки, бригады, дивизии.

Эвакуация

Первое, что помнится о начале войны – это очереди молодых людей у здания военкомата, прибывших по повесткам и добровольно. Некоторые молодые люди, прежде чем идти в военкомат, направлялись в загс, чтобы внести исправления в документы. В двадцатые годы было модно давать детям необычные имена: Адольф, Герман, Фридрих – в

честь популярных иностранных писателей, коммунистов и общественных деятелей. Но теперь молодые люди хотели такие имена изменить на русские. В загсе им шли навстречу, и по новым документам Адольфы становились Андрееми, Германы – Геннадиями, Фридрихи – Федорами...

Вскоре на окнах домов появились наклеенные крест-накрест бумажные полоски, якобы предохраняющие стекла от разрушения при бомбежке, а на крышах деревянных домов были установлены бочки с водой. Военные и многие жители стали носить сумки с противогАЗами. Появился детский противогАЗ и у меня, хотя я им не пользовался, но сумка от него мне верно служила в течение всей войны: при сборе колосков и лекарственных трав или вместо портфеля в школе.

В середине июля 1941 года, когда финские войска, прорвав нашу оборону, вышли к Ладожскому озеру в районе Питкяранты, городские и республиканские власти приняли решение об эвакуации из Петрозаводска воспитанников детских садов и нетрудоспособных жителей города. Одновременно началась отправка на оборонные работы части трудоспособного населения из прифронтовых районов и Петрозаводска.

Мой детский сад подлежал эвакуации по Онежскому озеру в Вытегру в числе первых. Всех детей в этот день родители привели в детский сад рано утром с чемоданами, сумками, но одеты все были по-летнему легко, так как считали, что эвакуация – дело кратковременное, Красная армия вот-вот прогонит финнов и мы вернемся домой. Младших детей отвозили на пристань на автобусе, а старшие группы направлялись на пристань пешком, попарно взявшись за руки. Вещи и имущество детского сада погрузили на грузовую машину. Воспитатели впервые разрешили нарвать с клумбы букетики цветов в дорогу, и мы отправились на пристань по знакомому маршруту мимо моего родного дома: Левашовский бульвар, Онежская набережная, Дворец пионеров.

На пристани было много народу, но нас сразу провели к пришвартованной барже, и мы быстро поднялись на корму. В носовой части баржи с вещами уже находились семьи эвакуируемого завода. У второго причала шла погрузка на вторую баржу, рядом находился буксирный пароход «Яков Воробьев» и небольшой портовый буксир «Карась». Когда погрузка закончилась, портовый буксир стал выводить баржи на рейд. На пристани раздался шум, плач. Многие родители, пришедшие на причал проводить своих детей в далекий путь (и моя мама тоже!), отчаянно махали платками, что-то кричали.

День был теплый, светило солнце, и ничто не предвещало беду. Буксир тащил две баржи довольно медленно, в душный трюм никому спускаться не хотелось, и дети с воспитателями сгрудились на палубе у борта на корме возле каюты шкипера.

Вечером, когда солнце склонилось к темнеющему на горизонте лесу, послышался шум авиационных моторов. Со стороны солнца приближались два самолета. Дети замахали руками, приняв их за свои. Но когда самолеты снизились и пролетели над нашим караваном, все увидели свастики на крыльях и фюзеляже. Летчик первого самолета, в очках, похожих на мотоциклетные, казалось, выбирал цель. Фонарь кабины был открыт, и летчика было хорошо видно. Сделав крутой вираж и набрав высоту, самолеты устремились вниз. Но теперь на их крыльях засверкали огоньки пулеметных очередей, по палубе баржи, словно отбойные молотки, застучали пули, на воде за бортом появились длинные ряды фонтанчиков. Раздался детский плач, стоны раненых, загорелась шкиперская каюта и сложенное возле нее детсадовское имущество.

Шкипер велел нашим воспитателям увести детей с палубы в трюм, а сам стал с помощью подросших женщин готовить пожарную помпу к работе, раскатывать пожарные шланги. Четыре женщины, встав попарно, стали качать воду, а шкипер из брандспойта заливал водой очаги загорания. Буксирный пароход, обрубив канат, отошел от барж и на полном ходу выписывал странные пируэты, то ли уклоняясь от самолетных атак, то ли вызывая огонь на себя. Воспитатели, став цепочкой на крутой трап, передавали ребятишек из рук в руки, опуская их в трюм. Дети садились в трюме на длинные низкие скамейки, установленные вдоль бортов, испуганные и притихшие.

Самолеты повторили обстрел нашей баржи. Пули прошивали толстые дощатые борта, словно бумагу. Кто-то стонал, кто-то упал. Мальчик в белой рубашке, сидевший рядом со мной, вдруг вскрикнул, повалился вперед. Белая рубашка на нем стала быстро краснеть, и воспитатели сразу унесли его на перевязку. В бортах баржи ниже ватерлинии появились струйки воды, проникающие в трюм через пулевые отверстия. Их перекрывали деревянными затычками и даже карандашами, обмотанными носовыми платками. Дым, смешанный с брызгами воды от тушения пожара, проникал в трюм. Становилось трудно дышать. Когда налет закончился, все снова поднялись на палубу. Каюта шкипера обгорела, почернела, дымились растащенные и залитые водой тюфяки, дымились и вторая баржа. Команда буксира закрепляла обрубленный буксирный канат, готовилась продолжить буксировку. Нам повезло, что на

этих самолетах не было бомб. Видимо, они совершали разведывательный полет и не удержались, видя перед собой безоружную тихоходную цель.

В Вытегру наш караван пришел к утру. Пришвартовались рядом с колесным пароходом «А. Жданов», на который грузили имущество фронтового госпиталя и пополнение фронту. Мы сошли на берег, и на тех же автомашинах, которые привезли красноармейцев, нас отвезли в подготовленные для размещения два больших деревенских дома, находившихся близко от полевого аэродрома. Так закончился первый этап эвакуации, самый короткий и самый драматичный на почти пятимесячном пути до конечной цели – городка Иланский Красноярского края.

На Вологодской земле

На новом месте мы быстро освоились. В одном большом доме разместились дети – девочки в двух комнатах на втором этаже, мальчики на первом этаже, а в маленькой комнате на первом этаже находились дежурные воспитатели, которые охраняли нас и днем и ночью. В другом доме на первом этаже были оборудованы столовая и кухня, а на втором поселились воспитатели и вспомогательный персонал: повар, медсестра, прачка и другие сотрудники.

Во дворе нашего дома была большая деревенская баня, в которой воспитатели нас драили довольно часто. Заведующая детсадом после приезда первым делом написала короткие письма родителям, сообщила им наш адрес. Обжились быстро, так как все ребята хорошо знали друг друга и воспитателей. Интересными стали прогулки в окрестностях детсада. Был конец июля, на лугах и опушках леса уродилось много земляники. Ягоды были крупные, сочные.

Недалеко от детского сада находился полевой военный аэродром, на котором размещались самолеты-истребители, знакомые мне еще с финской войны. Летчики познакомились с нашими воспитательницами и разрешили нам довольно близко подходить к замаскированным ветками и небольшими деревцами самолетам, стоявшим на краю летного поля. Иногда по вечерам, когда была нелетная погода, летчики приходили к нам в гости, угощали ребятшек конфетами и печеньем, ухаживали за нашими воспитательницами. Эта летная часть прикрывала Мариинский канал от налетов вражеской авиации. По каналу производилась эвакуация населения из Ленинграда, Петрозаводска и южной Карелии, а в обратном направлении перевозили воинские подразделения и боеприпасы для фронта.

В первое время мы жили довольно спокойно, но

в августе участились тревоги и ночные полеты, стоянку самолетов с внешней стороны огородили вторым рядом колючей проволоки, рассредоточили самолеты. Лишь много лет спустя я узнал причину тех интенсивных ночных полетов: в Вознесенье, в истоке реки Свирь, находился конвой боевых кораблей, направлявшихся из Балтийского в Баренцево море для пополнения Северного флота. В состав конвоя входили подводные лодки и вспомогательные суда. Но вражеские бомбардировщики серьезно повредили некоторые шлюзы Беломорско-Балтийского канала, и корабли в Вознесенье ждали их восстановления. В последних числах августа поврежденные шлюзы были отремонтированы, корабли конвоя несколькими ночными переходами форсировали Онежское озеро и прибыли в Повенец. В Повенце подводные лодки были установлены на специально изготовленные для них понтоны и буксирными пароходами по Беломорско-Балтийскому каналу доставлены в Беломорск. Далее своим ходом они прошли сначала в Молотовск (теперь – Северодвинск), затем в Мурманск. Во время перехода конвоя его на всем пути надежно прикрывали с воздуха истребители.

В августе численность детей в нашем детском саду стала сокращаться: эвакуирующиеся родители забирали своих детей почти ежедневно. Я с нетерпением ждал свою маму, но она задерживалась. Печка, в которой она работала, находилась возле городской пристани и снабжала свежим горячим хлебом весь поток эвакуируемого через Онежское озеро населения. Только когда бои начались уже в районе Пряжи и уменьшился поток отъезжающих, печку закрыли и ее работникам разрешили покинуть Петрозаводск.

Вместе с мамой приехал и мой двоюродный брат Ваня. За полтора месяца нашей разлуки он похудел, стал серьезней и словно взрослей. Я узнал, что в девятой школе, где он учился, развернут госпиталь. Ваня с группой старшеклассников помогал выносить мебель из классов. Оборудование кабинетов физики, химии, географии складировали в классах на четвертом этаже, из дома приносили в госпиталь посуду для раненых. Приходилось брату дежурить ночами и с бойцами МПВО (местной противовоздушной обороны). Так поступали многие его друзья.

Мы думали, что теперь и нас отправят из Вытегры в дальний путь, но неожиданно нам пришлось задержаться еще на целый месяц. В колхозах после ухода мужчин на войну не хватало рабочих рук, и урожай картофеля мог частично остаться в поле необранным. Нам предстояло помочь колхозникам в уборке урожая.

Нас с несколькими семьями отвезли в неболь-

шую деревню и поселили у местных жителей. Задание дали ответственное: до наступления морозов убрать весь колхозный картофель с полей. К уборке картофеля приступили уже на следующий день: из женщин и подростков создали бригаду, председатель колхоза выделил лошадь с сохой и хромого старичка в качестве бригадира. Работа закипела. Женщина-поводырь вела за уздцы лошадку Машку по борозде, бригадир направлял обитый железом лемех сохи в центр борозды, вспоротая сохой борозда вскрывалась, обнажая картофельные клубни, которые сборщики собирали в ведра и затем ссыпали в мешки.

Младшим ребятишкам также нашлось дело: они собирали на опушке леса хворост для костра, пекли картошку, носили воду из ручья и кипятили ее. Пока стояла хорошая погода и поля были сухие, работа спорилась и была надежда, что удастся убрать всю картошку до морозов. Лошадка Машка к ребятишкам, возившимся у костра, относилась уважительно, особенно когда мы угощали ее свежее испеченной картошкой. Причем картошку она брала с рук осторожно, одними губами. Она охотно выполняла команду «Тпру!», кто бы ее ни подал, но команду «Трогай!», видимо, не понимала. Когда же эту команду подавал хозяин, сопровождая ее многоэтажным нелитературным выражением, Машка слушалась.

В октябре, когда финские войска вышли на западное побережье Онежского озера, участились полеты вражеских самолетов над Вытегрой и Мариинским каналом. Один из самолетов, произведя разведку, на бреющем полете от Вытегры уходил на север, пролетая над нашими головами так низко, что хорошо было видно пилота. Фонарь кабины был открыт, пилот в очках, похожих на мотоциклетные, поглядывал в нашу сторону.

Это нахальство разозлило старших ребят, работавших в поле. Чуть раньше кто-то принес для коврика в баньке детсада кусок красной резины, которой обтягивали бензобаки наших истребителей. Мой брат Ваня, едва увидев коврик, сразу сообразил, что с такой резиной можно сделать отличную рогатку. Подростки обзавелись такими же рогатками, а заодно насобирали ржавых гаек в колхозных мастерских.

Когда в очередной раз послышался рокот вражеского самолета, ребята быстро изготовились «к бою» и встретили его дружным залпом из своих «зениток». Не знаю, долетели ли эти гайки-снаряды до самолета, но финский летчик все понял. Он увеличил скорость, сделал крутой вираж и, набрав высоту, спикировал на сидящих у костра людей. Бригадир громко крикнул: «Все в лес! Прячьтесь за деревья!» Сам он с лошадкой остал-

ся у костра: с больной ногой, лошадью и сохой все равно быстро спрятаться он не смог бы. Две огненные пулеметные струи разметали головешки костра, ранили в руку женщину-поводыря. Ранена в заднюю ногу была и наша любимая лошадка Машка, она упала, судорожно пыталась подняться, но снова падала. Ее хозяин чуть не плача повторял: «Ну что же ты, Машенька, как же так?», впервые забыв ненормативную лексику.

Раненой женщине перевязали руку и дружно взялись за «зенитчиков». В костер полетели все рогатки, ребят посчитали главными виновниками происшедшего. Они помалкивали, хотя явно чувствовали себя героями. Ведь не трусили, не побежали прятаться, а встретили врага лицом к лицу.

Уже потом, в своей компании обсуждая случившееся, они говорили: «Этот финский летчик, потратив на нас боеприпасы, не сможет других обстрелять, будет экономить патроны. А то вдруг встретится с нашими истребителями?» Другие предполагали, что летчик наверняка доложит своему начальству, мол, обстрелял «военный объект». Больше этот финский самолет-истребитель над нами не появлялся.

Вскоре закружил снег, заморозки сковали лужи, почти весь картофель был убран. Прибыли автомашины, которые доставили нас в Вытегру.

Нам предстояло отправиться в дальний путь вновь на барже, но уже по Мариинскому каналу. На новой барже над трюмами были сделаны навесы от дождя, в трюме имелись двухъярусные нары по периметру, стояли две печки-буржуйки, сделанные из старых бочек. Железные трубы от буржуек возвышались над крышей. Был приготовлен запас дров. Однако, несмотря на непрерывно топящиеся буржуйки, в трюме было холодно.

Мы с интересом смотрели на прохождение баржой шлюзов. Видимо, буксирный пароход не вмещался в камеру шлюза, поэтому баржу через шлюзы тащили лошади. Запряженные цугом, они, словно бурлаки на Волге, переводили баржу из шлюза в шлюз, двигаясь по деревянному настилу впереди баржи. Выпал снег, и лошади скользили по мерзлому настилу, некоторые падали.

Когда миновали все шлюзы, произошла задержка. На канале уже появился первый лед, и мы должны были пропустить конвой кораблей Онежской флотилии, направлявшийся по каналу к месту зимовки на Рыбинском водохранилище. Тонкий ледок быстро нарастал, и мы должны были по пробитому на канале фарватеру успеть до прочного ледостава добраться до железной дороги. Но все оказалось сложнее. Лед быстро затягивал фарватер, буксир с трудом тащил баржу за собой, постепенно снижая ско-

рость. Вскоре мы потеряли из виду корабли Онежской флотилии и остановились. Капитан буксира сообщил, что он вынужден оставить нас. Он решил идти обратно в затон на зимовку и сообщить начальству, чтобы нам прислали помощь.

Мы остались одни в скованном льдом канале, в трюмах замерзающей баржи. Вокруг канала лежали покрытые снегом поля и луга, окруженные темнеющим лесом. Ни деревень, ни отдельных домов вокруг нас не было видно. Наступающая ночь с завыванием ветра и снежными вихрями не предвещала ничего хорошего. На такой барже, как наша, летом перевозили до 350 человек, но сейчас нас было около 200, примерно по сотне человек в каждом трюме. На непрерывно топящихся буржуйках умещалось лишь по три чайника, которых явно не хватало, чтобы хоть чайком согреться замерзающим пассажирам. Ведь теплый воздух уходил вверх, а внизу на настиле днища было холодно.

Выручал наш самовар, взятый в последнюю минуту в дорогу мамой. Кто-то прорезал в жестяной дымовой трубе над буржуйкой круглое отверстие для самоварной трубы, и к трем небольшим чайникам теперь добавился и наш более вместительный самовар.

Ночь прошла тревожно, все с нетерпением ждали обещанной помощи. На барже была группа руководителей: деловая решительная женщина, у которой были списки эвакуируемых и другие документы, ее помощники в каждом трюме и шкипер баржи. Они решили послать гонцов в ближайший населенный пункт, чтобы по телефону связаться с Вытегорским эвакуопунктом.

Недалеко от канала видна была дорога, по которой изредка проезжали санные повозки, мы надеялись, что гонцы сумеют добраться до пункта связи. Ваня и еще один мальчик вызвались выполнить это поручение. После Ваня рассказал, как они остановили повозку, попросили седока подвезти их в ближайшую деревню, как просили председателя колхоза оказать посильную помощь замерзающим на барже людям. Председатель сам связался с Вытегрой. Районное начальство пообещало утром прислать санный обоз и организовать перемещение людей до соседнего Белозерского района.

Председатель колхоза предложил ребятам задержаться, пока в колхозной пекарне испекут хлеб для пассажиров баржи. В обратный путь отправились часа через три на трех санных повозках: в одной сам председатель с посланцами, в другую был погружен еще горячий хлеб и бидон молока для детей, третьи сани были нагружены сухими дровами. Уже стемнело, когда этот небольшой обоз добрался до баржи.

Мы уже изрядно волновались не только за себя, но и за ребят, пошедших за помощью.

Отправляясь в обратный путь, председатель захватил с собой три семьи, в которых были маленькие дети. Наступившая ночь, уже вторая в ледовом плену, была такой же тревожной. Все отчаянно мерзли, приходилось поочередно греться у буржоек. Утром мимо нас к трапу пронесли умершего ночью старичка. Сидевшая рядом с нами бабуся перекрестилась и тихо произнесла: «Вот и еще один окошел, царствие ему небесное». Это слово «окошел» я раньше слышал, но оно относилось к домашним животным, а теперь, сказанное по отношению к человеку, испугало меня. Неужели и с нами такое может случиться? Увы, это была не единственная потеря спутников во вмерзшей в лед барже.

Ближе к полудню наконец-то появился обоз. В нем было 20-25 вместительных саней-розвальней, на которых зимой крестьяне возят сено и дрова. Наш возница прихватил из дома старый овчинный тулуп, и, лежа на охапке сена, я мерз меньше, чем на барже. Мама и Ваня поочередно забирались ко мне под тулуп погреться. На всех пассажиров саней не хватило, за остающимися обещали прислать второй обоз.

Везли нас перегонами, как когда-то в старину возили почту ямщики от одного почтового яма до другого, сменяя друг друга. На ночь мы останавливались на ночлег в деревнях, где как придется: в школах, в клубе, а если повезет, то и в теплом крестьянском доме. Но такое случалось редко: в большинстве домов уже жили ранее эвакуированные беженцы. До Вологды путь был не близкий. В Вологде мы должны были пересестись на поезд для дальнейшей эвакуации в глубокий тыл.

Во время путешествия мы надолго остановились в Кирилло-Белозерском монастыре, почти на середине нашего санного пути. Нас поселили в большом помещении, которое все называли трапезной, и предупредили, что здесь мы задержимся на несколько дней. Вокруг царил какой-то непонятный нервозная обстановка. Спать приходилось на полу, на своих вещах.

В трапезной было теплей, чем на барже, но и народу было больше. Возникали проблемы с приготовлением еды, с отовариванием хлебных карточек. По ночам часто шастали по помещению какие-то темные личности, пропадали вещи. Распространялись самые невероятные слухи о положении на фронте. Через несколько беспокойных дней нам объявили, что приехало большое начальство и военные, будет собрание. Собрание провели прямо в нашем помещении. Народу собралось очень много. Среди военных был генерал,

он разъяснил ситуацию: оказалось, что немцы прорвались через реку Волхов, заняли город Тихвин и перерезали железную дорогу Вологда–Волховстрой, по которой в сторону окруженного Ленинграда направлялось продовольствие. Сейчас наши войска остановили наступление фашистов у Тихвина. Для перевозки подкреплений и боеприпасов нашим войскам потребовалось много транспортных средств, поэтому нам придется здесь на некоторое время задержаться.

Гражданское начальство выслушало жалобы присутствующих, пообещало сделать все возможное для улучшения условий проживания, снабжения продовольствием и при первой возможности доставить нас в Вологду для пересадки в поезд. Народ успокоился. В первую же ночь были задержаны «темные личности», воровавшие вещи у эвакуированных. Это оказались дезертиры из числа бывших уголовников, изъявивших желание «искупить на фронте свою вину», досрочно освобожденные, но сбежавшие по пути на фронт и занявшие своим прежним промыслом. На территории монастыря стали работать столовая и продуктовый магазин, в котором можно было отоварить продовольственные карточки.

Наконец, спустя время, снова обозами мы добрались до Вологды. Там возницы подвезли нас к длинному товарному составу, состоявшему из двухосных вагонов-теплушек, в середине которого был лишь один пассажирский вагон для поездной бригады и начальства поезда. В наш вагон поместилось 25 человек – женщины с детьми, старушки, подростки и один бодрый старый солдат-ветеран, участник еще германской войны. Осмотрев снаружи вагон, он изрек: «Восемь лошадей или двадцать человек», словно дал ему техническую характеристику. Пояснил, что в германскую войну такую надпись делали мелом на подобных вагонах.

Внутри вагона были устроены двухъярусные нары из досок, посредине стояла буржуйка. Около одной наглухо закрытой двери у стенки находилось фанерное сооружение, похожее на скворечник, над которым красовалась аккуратно сделанная мелом надпись «Дыроклозет». Были также ящик для дров и каменного угля и небольшой столик. Стенки вагона для утепления были кое-как обиты кусками фанеры и картоном.

Сразу единогласно выбрали старшего по вагону, им стал единственный взрослый мужчина – старый солдат-ветеран. Нам достались места на втором ярусе у окошка, чем я был вполне доволен, хотя окно сильно обмерзло и почти ничего не было видно. Наш старшой сразу распределил обязанности, кто за что отвечает: старшие подростки – за обеспече-

ние вагона углем и дровами, девчата – за доставку воды, ночной дежурный – за топку печки. Старшой оказался дальновидным и хозяйственным человеком. Он взял в дорогу зимнюю одежду и хозяйственный инструмент: ножовку, топор, молоток и прочие нужные вещицы мастерового умельца. Он был заядлым курильщиком, и это раздражало женщин, у которых были маленькие дети. Но когда он пригрозил, что переберется в «вагон для курящих», все как-то успокоилось, решив, что пусть курит, хоть «мужским духом» в вагоне будет пахнуть. Нам объявили, что эшелон отправляется в Красноярск.

Продолжение эвакуации

Раздался гудок паровоза, состав со скрежетом дернулся и, плавно набирая скорость, двинулся на восток, увозя нас в глубокий тыл. Казалось, что все самое трудное осталось позади, а нас ждет легкая дорога, мирное небо, спокойная жизнь в теплых домах, нормальное питание и медицинское обслуживание.

Но вскоре стало ясно, что померзнуть придется еще немало. На ходу вагон основательно продувался, так что снимать верхнюю одежду ни днем, ни ночью никто не рисковал. В первую же ночь дежуривший у буржуйки паренек разомлел от непривычного тепла и уснул. Каменный уголь прогорел, стало холодно. Паренек проснулся, когда в топке тлел лишь шлак. Он стал торопливо забрасывать в топку уголь, но уголь был сырой и не горел. Все проснулись, посыпались упреки в адрес парнишки, даже ругань. Наш старшой не стал ругаться, молча выгреб из печки мокрый уголь, оторвал одну доску от нар, распилил часть доски на мелкие полешки, расколол их и, растопив дровами печку, стал подкидывать небольшие куски угля в топку, тщательно обтирая их от влаги. Обледеневшие куски каменного угля он откладывал в сторону, где виновник происшествия соскабливал с них наледь. После этого случая сборщики угля стали тщательно очищать собираемые куски от снега, стараясь из штабелей каменного угля для паровозов выбирать самый качественный, дающий много тепла антрацит. Больше таких происшествий до конца пути не было.

Но вскоре случилось худшее. Одна старушка сильно простыла еще на барже. Санитарный врач эшелона предлагал поместить ее в больницу в Вологде, но она отказалась от госпитализации, да и родственники боялись оставить ее одну в незнакомом городе. И вот теперь она умерла. На ближайшей узловой станции ее тело погрузили на санки и отвезли в пакгауз, где уложили около стены на пол рядом с телами таких же бедолаг.

На одной из железнодорожных станций, когда уже почти все пассажиры, отоварив продуктовые карточки, вернулись в вагон, выяснилось, что не хватает одного человека. Женщина задержалась на при вокзальной барахолке, когда покупала теплую одежду для младшей дочери, а в это время между нашим поездом и зданием вокзала встал воинский эшелон. Под вагонами ей пролезать не разрешили, а пока она его обходила, наш состав тронулся. Мы ничем помочь не могли. Все были очень расстроены. Обе ее дочки: одна старшекласница, а другая примерно моего возраста, были так испуганы, что молча сидели на нарах, прижавшись друг к другу, не в силах даже заплакать. На ближайшей станции наш старшой сообщил начальству поезда о случившемся. Бригадир поездной бригады и начальник эшелона по железнодорожной связи позвонили на станцию, где осталась отставшая, попросили помочь ей догнать наш эшелон на каком-нибудь скором поезде, идущем в нашем направлении. Этой женщине повезло: главврач санитарного поезда, следовавшего за нами, согласилась взять ее, узнав, что она до эвакуации работала санитаркой в больнице. Конечно, это было нарушение правил, но лишние руки для ухода за раненымигодились. Когда на очередной большой станции мама девочек появилась в вагоне, все искренне обрадовались, а девчонки буквально повисли на ней, громко плача.

Мы часто и подолгу стояли, пропуская попутные пассажирские и санитарные поезда, а также встречные воинские эшелоны. В это время по Транссибирской железнодорожной магистрали под Москву непрерывным потоком шли воинские поезда, перевозившие дальневосточные и сибирские дивизии для готовящегося контрнаступления наших войск. Эти поезда неслись к фронту, делая короткие остановки на узловых станциях для смены паровозов или для загрузки их углем и водой. Уголь и вода нужны были и красноармейцам, едущим в вагонах. На остановках они с ведрами в руках бегали к штабелям каменного угля, станционным колонкам и кранам с кипятком. Встречных воинских эшелонов были сотни.

Однажды на небольшой станции такой эшелон остановился рядом с нашим поездом, без движения стоявшим уже несколько часов в ожидании свободного паровоза. Вагонные двери теплушек открылись, и красноармейцы высыпали на перрон, чтобы размяться после длительной поездки. Молодые бойцы как мальчишки бросались снежками, затевали борьбу на свежем рыхлом снегу. Одеты все они были по-зимнему в ватные телогрейки и брюки, все в валенках и шапках-ушанках. Командиры были в белых полушубках, а часовые на платформах с воен-

ной техникой – в тулупах, с винтовками. Большая часть военной техники была замаскирована от посторонних глаз.

Некоторые красноармейцы подходили к нам и интересовались, откуда мы и куда направляемся. Один старшина, узнав, что мы из Петрозаводска, обрадовался, словно встретил земляков. Он сказал, что воевал в Карелии во время финской войны, был ранен и лечился в Петрозаводском госпитале. Он удивился, узнав, что некоторые из нас находятся в пути уже почти четыре месяца, с июля 1941 года. Когда ему сказали, что из-за длительной стоянки на этой маленькой станции мы не смогли отоварить свои продовольственные карточки, он вернулся в свой вагон и вышел из него с буханкой хлеба и банкой мясной тушенки в руках. Старшина рассказал, что, когда он лежал раненый в госпитале, местные девчата, навещавшие раненых бойцов, угощали их карельскими рыбниками и калитками и что сейчас он как бы возвращает свой долг попавшим в трудную ситуацию петрозаводчанам.

Буханку хлеба наш старшой разделил на 24 части аккуратно, используя лишь нитку и свой острый финский нож. Этим же ножом он вскрыл консервную банку и так же аккуратно нанес на каждый кусочек хлеба тонкий слой тушенки. Он предложил все четыре горбушки вручить подросткам, выполняющим самую тяжелую и грязную работу по обеспечению нашей буржуйки углем. Никто не возражал. Остальные бутерброды, одинаковые как близнецы, разошлись между взрослыми и детьми по одному в руки, независимо от возраста. Моя мама сказала, что у нее разболелся зуб и поэтому она оставит свой бутерброд до утра. К утру у нее зуб болеть не перестал, и она отдала свой бутерброд мне. У меня зубы не болели, и я не возражал.

Наш быт постепенно налаживался. Отправляясь на станциях отоваривать карточки, старались приобрести и свежие газеты. Читать газеты в полутемном вагоне было трудно, но и здесь нашли выход: девчонка-старшекласница стала нашим политинформатором. Она обладала хорошим зрением и дикцией. Выбирая из газет самые интересные новости, она громко их зачитывала, стараясь подражать главному диктору страны Юрию Левитану. Хотя вести в это время были малоутешительные, мы радовались, что на многих фронтах наступление фашистов остановлено, что сорваны их планы по быстрому разгрому Красной армии. Особенно горячо взрослые обсуждали новости с Карельского фронта, которые изредка публиковались в центральных газетах. Финским войскам не удалось выйти к побережью Белого моря, как они планировали, а немецким войскам не удалось захватить

Мурманск, хотя у них были даже заранее отпечатанные пригласительные билеты на банкет 9 июля 1941 года в ресторане мурманской гостиницы «Арктика» по случаю взятия города. Мы ждали и надеялись, что скоро наступит перелом в войне, что закаленные в боях с японцами у озера Хасан и у реки Халхин-Гол дальневосточные и сибирские дивизии разобьют фашистов под Москвой, начнется наше общее наступление и маннергеймовцев, как и гитлеровцев, прогонят с нашей земли.

Новые неприятности в дороге не стали неожиданностью для взрослых. С того дня, когда мы закончили уборку картофеля в колхозе, помылись в бане и отправились в дальнюю дорогу, прошло уже больше месяца. Ни помыться в бане, ни постирать белье за это время возможности не было. Спать приходилось не раздеваясь. Все завшивели, возникла опасность заболевания сыпным тифом. Первым забил тревогу наш старый солдат-ветеран. Он попросил женщин постричь ему волосы на голове наголо, «под Котовского», как он выразился. На какой-то станции раздобыл железный крюк от телеграфного столба и, используя его как горячий утюг, стал ежедневно «прожаривать» паразитов, прячущихся в складках одежды. Не имея возможности постирать белье, он на остановках его валял в снегу, «промораживая» уцелевших насекомых. Уверял всех, что только так можно эффективно бороться с этими «союзниками фашистов», как он называл вшей.

Женщины стричься не стали, им приходилось отчаянно расчесывать волосы специальными гребенками с частыми и тонкими зубцами. Забеспокоилось и наше поездное начальство. Санитарный врач с помощником стали на каждой остановке обходить и осматривать вагоны, интересуясь, нет ли заболевших сыпным тифом. Выдали специальное мыло с дустом и объяснили, как им пользоваться. Но это помогало слабо, и все с нетерпением ждали окончания нашего путешествия. Остановки стали реже и короче. Реже стали встречаться и воинские эшелоны, везущие пополнение на фронт. Лишь санитарные поезда, увозящие раненых бойцов в тыловые госпитали, по-прежнему обгоняли нас с тревожным постоянством, словно напоминающая, что война продолжается.

Когда прибыли в Красноярск, все обрадовались, думая, что наше путешествие наконец-то закончилось. Взрослые знали, что в Красноярск из Петрозаводска был эвакуирован Онежский машиностроительный завод, и надеялись встретить здесь знакомых и даже родных. Наш эшелон расформировали, часть пассажиров оставили в городе, а несколько вагонов прицепили к товарному поезду, идущему дальше на восток. Только

теперь мы узнали: наш конечный пункт эвакуации – город Иланский, районный центр примерно в трехстах километрах от Красноярска.

Иланский – сибирский городок

В Иланский поезд прибыл днем, на вокзале нас уже ждали представители местной администрации и санные повозки. Мы быстро доехали на улицу Вторая Батарейная к симпатичному одноэтажному дому со ставнями на окнах, с большими воротами. Нас встретила хозяйка, женщина средних лет интеллигентного вида, похожая на школьную учительницу. Она проводила нас в большую комнату с двумя окнами, выходящими на улицу. В комнате стоял большой книжный шкаф, заполненный книгами, в углу была кровать, а рядом с ней кожаный диван. В середине комнаты под абажуром стоял круглый стол с четырьмя венскими стульями. От такой роскоши мы даже растерялись: ведь в родном городе мы скромно жили в небольшой проходной комнатке. Но нам сказали, что здесь мы жить будем временно, пока нам подыщут более скромное жилье, а здесь поселят многодетную семью из вновь прибывших.

В первую очередь нам предложили пройти через санпропускник и баню, тщательно помыться и обработать одежду. Мы с радостью отправились выполнять это указание. Какое было блаженство, когда после полутора месяцев скитаний мы очутились в жарко натопленной бане с парилкой, душистым веником, душем!

Через несколько дней мама устроилась на работу в местную пекарню подсобной рабочей. Она выполняла в основном функции грузчика, так как все мужчины пекарни были на фронте. Ваню поставили на учет в военкомате и тоже устроили на работу, а мне одному пришлось сидеть дома, так как зимней одежды, чтобы ходить в детский сад, у меня не было.

Но скучать дома мне не пришлось. У нашей хозяйки были двое детей: мальчик примерно на год старше меня и девочка, младше. В детский сад и школу они не ходили, а постоянно находились дома под присмотром бабушки, с виду строгой и неразговорчивой, но очень внимательной и заботливой. Они сразу взяли шефство надо мной: показали весь дом, сад-огород, дворовые постройки и главное – содержимое книжного шкафа. Читать никто из нас еще не умел, но многие книги имели такие яркие иллюстрации, что хотелось узнать и содержание этих произведений. Особенно мне нравилось разглядывать картинки индейцев с перьями на голове, в необычной одежде, с томагавками в руках, их лодки-пирог, так не похожие на наши карельские кижанки.

Мальчику родители, видимо, рассказывали, о чем идет речь в книжках, и он довольно понятно пояснял мне и своей сестренке, что изображено на рисунках. Интересно было рассматривать и те книжки, в которых были рисунки и фотографии кораблей и самолетов. Ведь кое-что я успел по-видать на Онежском озере и в небе в начале войны, и объяснений не требовалось.

Ваня днем обычно забегал домой, и мы вместе обедали. Мама старалась рано утром, до ухода на работу, приготовить для нас наш скромный завтрак и обед, в основном из тех продуктов, которые покупали по продовольственным карточкам. Детям и иждивенцам, как называли стариков, больных и тех, кто не мог работать, полагалось по 300 граммов хлеба на день. На сахар, комбиджир, крупу и некоторые другие продукты существовали месячные нормы выдачи. Работающим на производстве, учителям, медицинским работникам и служащим нормы выдачи продовольствия были больше. Здесь, в глубоком тылу, снабжение населения продовольствием было организовано неплохо, без перебоев.

Картошку и овощи обычно покупали у местных жителей на рынке. Зимой и весной продуктов на рынке было мало, но в конце лета овощи были в изобилии, хотя стоили они недешево. Самыми доступными были подсолнечные семечки, а в конце осени тайга дарила жителям сибирский деликатес: кедровые орехи, очень вкусные и утоляющие чувство голода не хуже хлебного пайка.

Мама сразу по прибытии возобновила переписку с отцом, отбывавшим свой срок в Норильском лагере на севере нашего же Красноярского края. В ответном письме отец сообщил нам, что его досрочно (6 января 1942 года) освободили, но выехать к нам он не может, так как связь Норильска с Красноярском в зимнее время осуществляется только самолетами. А весной, с открытием навигации, скорей всего отправят на фронт. Сейчас он работает в вольнонаемной бригаде рыбаков на озере Лама, созданной для подледного лова рыбы. Бригада состоит из таких же бывших заключенных, получивших небольшие сроки заключения, но после освобождения не имеющих возможности выехать из Норильска. Получив письмо, мама долго плакала. Она хорошо представляла себе, что такое подледный лов рыбы в условиях Заполярья.

Возобновила мама и переписку со старшим братом Иваном Ивановичем Терентьевым, который с женой и дочерью жил в деревушке Шижня рядом с Беломорском. Он сообщил, что его сын и вторая дочь на Карельском фронте, но где именно, прочесть не удалось – слово было замазано чернилами.

Цензура была строгая, ведь в Беломорске во время войны находился штаб Карельского фронта.

Мы быстро освоились на новом месте, но с наступлением весны многое изменилось в нашей жизни. Ване 1 апреля исполнилось 17 лет, и районный военкомат прислал ему повестку о направлении его на учебу в военное артиллерийское училище. Ваня в 1941 году окончил только 8 классов, но в то время считалось, что для подготовки младших командиров, в том числе и артиллерийских, этого вполне достаточно. Вместе с Ваней еще несколько его ровесников с нашей улицы получили повестки о призыве в армию.

Проводы новобранцев прошли возле колодца. Их было немного, человек 5 или 6, но провожающих собралось раза в три больше. Пришли родственники и друзья, соседи и просто хорошие знакомые. Веселья не чувствовалось. Какой-то слегка поддатый старичок попытался поднять настроение провожающих и запел было бойкую песенку «Как родная меня мать провожала», но на него дружно зашикали, и он обиженно умолк. Ведь в песне были не очень подходящие для этого случая слова:

*...Ой, куда же ты, Ванек, ой, куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты!..*

Зато провожающие охотно стали подпевать, когда зазвучали слова популярной песни «Катюша». Некоторые из уходящих на войну юношей открыто, наверное первый раз в жизни, при родителях целовались со своими подружками, словно прощались с ними навсегда.

Через несколько дней после отъезда Вани нам пришлось сменить место жительства. Местные власти сдержали свое обещание: нам подыскали более скромное жилье – небольшой домик, напоминающий украинскую мазанку. Этот домик стал нашим пристанищем до конца нашего пребывания в Иланском. Наш новый адрес: город Иланск (так почему-то в то время многие называли нынешний город Иланский), улица Вторая Батарейная, дом №35.

Дед Манжуло

Хозяином нашего нового места жительства был дед Манжуло, старик украинец, вернувшийся на работу в паровозное депо после начала войны. Он был довольно высокого роста, крепкий, но уже немного сутулый, много курил – выходил на крыльцо и, сидя на лавочке, «смолил» свои любимые «козьи ножки», наполненные табаком-самосадом, выращенным на огороде.

Его жинка, бойкая старушка, уже нигде не работала, занимаясь только домашними и огородными делами. В доме была и живность: кот Васька и коза Зойка. Наше появление в доме Васька встретил с недовольным видом, ведь я с мамой устроился на кухне, на его законной и любимой жилплощади. Старая кушетка в углу на кухне стала нам кроватью, а наш самовар нашел себе постоянное место на кухонном столике у окна. Если учесть, что треть кухни занимала русская печь, то понять Васькино недовольство было нетрудно. Ему пришлось теперь ночевать в комнате хозяев на коврик у двери, словно он был сторожевой пес. Гладить себя он мне не позволял: шипел, поднимал шерсть дыбом, грозил растопыренными когтями.

Коза Зойка главой дома считала бабулю. Летом интересно было видеть, как она ходит по огороду за бабулей строго по проходам между грядками в ожидании угощения капустным листом или ботвой свеклы, но сама при этом ничего не трогает.

Как только мы перебрались на новое место жительства, возникла новая проблема, вроде бы мелкая, но для меня важная. Я привык с Ваней ходить в баню и ни за что не хотел идти в баню с мамой – в женское отделение! Помог дед Манжуло: он взял меня с собой на работу в депо, и я с ним помылся в деповской душевой вместе с чумазыми кочегарами паровозов, строгими машинистами и рабочими. Дед представил меня как своего внука, сказав, что он теперь будет раз в неделю лично мылить мне шею и мочалить спину. Его товарищи по работе, конечно, поняли, что я не внук, но не возражали и даже давали советы, как меня отмывать, чтобы я блестел, как самовар. Я был рад такому решению банной проблемы. Мне нравилось бывать в этой большой коллективной душевой, в которой одновременно могли мыться больше десятка человек. Интересно было в раздевалке слушать взрослые разговоры о происходящих событиях.

Вскоре дед Манжуло, убедившись, что я неплохо знаю правила техники безопасности на железнодорожных путях, показал мне наиболее безопасный маршрут до деповской душевой и разрешил самостоятельно приходить на помывку к концу его рабочей смены по заводскому гудку. В то время на всех заводах и крупных предприятиях начало и конец рабочей смены обозначались громкими гудками. Еще он предупредил меня, чтобы я не попадался на глаза начальству и от указанного маршрута никуда не отклонялся. Я старательно выполнял все его указания.

Возле нашего дома был небольшой родничок, тонкой струйкой выбивавшийся из-под земли у огородной ограды. Ходить за водой к колодцу бы-

ло далековато, и наш хозяин решил облагородить родник и приспособить к хозяйственным нуждам. Он расчистил площадку у родничка, углубил его на полметра, сделал из толстых досок сруб, насыпал на дно сруба чистого песка. Получился мини-колодец с чистой и очень вкусной водой. Черпать воду приходилось ковшиком, и я охотно стал помогать хозяйке в доставке воды.

Оксана

В конце апреля 1942 года я начал ходить в детский сад, в котором большинство детей были эвакуированными из оккупированных врагами регионов. В детском саду было всего две группы детей: младшая и старшая. В моей старшей группе было около 20 ребятишек в возрасте 6 – 7 лет.

Мы все занимали одну большую комнату. В ней мы играли, обедали и даже спали в послеобеденный тихий час на кроватках-раскладушках. Эти раскладушки после сна складывались и ставились в угол, занимая совсем немного места. В этой комнате мы разучивали песни и даже изучали азы грамматики, что очень пригодились при учебе в первом классе школы. Игрушек было мало, в основном это были кубики с картинками. Летом играли в прятки в фруктовом саду, прячась за кустами сирени, акации, смородины или вишни. Девчонки играли в свои любимые «классики» или отчаянно прыгали со скакалками. Мы довольно быстро сдружились, ссоры и обиды случались редко и быстро забывались.

Больше всех мне запомнилась украинская девочка Оксана. Она появилась в детском саду позже, чем я. С виду она была хрупкая, застенчивая, часто выглядела даже испуганной и беспомощной. Ее мама рассказала воспитательнице, что в самом начале эвакуации их поезд разбомбили фашистские летчики. Много людей погибло и многие были ранены. А когда уцелевшие побежали прятаться на кукурузное поле, фашистские летчики расстреливали бегущих людей из пулеметов. Они чудом остались живы, и теперь Оксана не может забыть происшедшее и всего боится.

Действительно, когда дети играли в прятки и мальчишки выскакивали из кустов, пугая девчонок, Оксана готова была заплакать. Я ее никогда не пугал, так как сам видел над головой вражеские самолеты, огненные струи их пулеметов и хорошо ее понимал. Она это чувствовала, и если ей в игре приходилось быть водящей, обычно брала меня за руку и говорила: «Толя, ходім разом, пошукаєм!» Так незаметно получилось, что мы и обедали за одним столом, и наши раскладушки в тихий час оказывались рядом.

Однажды летом мы всей группой отправились на прогулку за пределы нашего городка. День был чудесный, и, взявшись попарно за руки, возглавляемые воспитательницей, мы дружно направились на большой луг с нескошенной травой. На лужайке устроили привал, и все рассыпались в разные стороны. Я пытался найти землянику, чтобы угостить ею Оксану. Увы! Земляничные кусты были, но ягоды уже до нашего появления кем-то чисто собраны.

Мальчишки принялись бегать наперегонки, ловить кузнечиков и бабочек. Девчонки стали собирать цветы: ромашки, колокольчики, васильки, и плели венки. Самый красивый венок получился у Оксаны. Он здорово смотрелся на ее светловолосой головке, а васильки и колокольчики из венка гармонировали с ее голубыми глазами. Она охотно помогала девчонкам плести венки, и скоро все девчонки стали выглядеть по-праздничному. Оксану было трудно узнать: исчезло грустное выражение с ее лица, она улыбалась белоснежной улыбкой, весело смеялась. Казалось, что уже нет страшной войны, наступил мир, можно петь и веселиться...

Но пора было возвращаться. Воспитательница предложила всем набрать по букетику лекарственных трав: зверобоя и ромашки для госпиталя. Возвращались с прогулки уставшие, проголодавшиеся, с задорной песенкой:

*...Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота,
чихика, собаку, петьку-забияку...*

Встречные прохожие улыбались, глядя на нас, словно на праздничную колонну, украшенную цветами. Мне было приятно чувствовать в своей ладони мягкую и теплую ладошку Оксаны.

Похоронка из Норильлага

Мы сменили адрес, перебравшись в другой дом на нашей же улице, и мама сразу же сообщила об этом отцу. Ответ пришел в конце мая, конверт был подписан чужим почерком.

Бригадир рыболовецкой бригады сообщал, что 15 марта 1942 года во время разыгравшейся на озере Лама «черной пурги» отец замерз, не дойдя до зимовья нескольких сот метров, когда возвращался после обхода рыболовных снастей. Для нас это письмо было как гром среди ясного неба. Нам казалось, что все самое страшное уже позади. Ведь существовал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24.11.1941 г. об освобождении заключенных, осужденных за прогулы, мелкие хищения, незначительные должностные и бытовые преступле-

ния, мелкое хулиганство. Указанные категории заключенных освобождались и призывались через военкоматы в действующую армию. По этому указу досрочно был освобожден и мой отец. На фронт он не попал лишь потому, что навигация на Енисее уже закончилась, а самолетами бывших з/к не перевозили. Поэтому отец остался в Норильске до весны и устроился в вольнонаемную бригаду рыбаков, обеспечивающих Норильск рыбой.

Мама очень переживала, но надеялась, что, может быть, произошла какая-то ошибка. Она написала письмо в адрес руководства Норильскстроя с просьбой сообщить, что случилось с ее мужем. Ответ, подписанный прокурором Норильлага, был короткий: «На Ваше письмо от 26 сентября с.г. сообщая, что Ваш муж Жданов Александр Васильевич действительно умер 15.03.42 г., о чем высылаю Вам свидетельство. Прокурор Норильлага НКВД Раскопин».

Надеяться больше было не на что. Мама вновь и вновь перечитывала последнее письмо отца, сравнивала его с письмом бригадира, надеясь хотя бы понять, что это за загадочное озеро Лама и «черная пурга» на нем, но кроме слов «озеро большое, длинное и очень глубокое» в письме ничего не сообщалось. Это была первая, но не последняя потеря близких нам людей. Уже вернувшись из эвакуации, мы узнали, что примерно в это же время умерла в эвакуации в Архангельской области мать отца Анна Павловна, а в родной деревне Пелдожи, находившейся на оккупированной финнами территории, также в марте 1942 года умерла бабушка отца Татьяна Васильевна. Все в одно время. И одна причина: голод и холод.

После получения похоронки на отца окружающий мир для нас словно поблек. Посещение детского сада в ветхой одежонке, из которой я уже вырос, не радовало.

Прошла, наконец, эта зима, показавшаяся мне длинной и какой-то серой.

На пороге школьной жизни

Расставание с детским садом было скромным. Покидали детский сад и поступали в первый класс примерно половина ребят нашей группы. На последнее чаепитие пришли и наши родители поблагодарить работников за заботу и внимание к нам. Ребята, которым предстояло идти в школу, выглядели веселыми и оживленными, а остающиеся в детском садике казались грустными. Моя подружка Оксана снова стала грустной и застенчивой. Наши мамы о чем-то поговорили на прощание, но довоенны-

ми адресами не обменялись, и наши пути-дороги с Оксаной разошлись навсегда.

Вольная летняя жизнь между детским садом и школой захватила меня целиком. Соседские мальчишки – школьники младших классов, – еще недавно не замечавшие меня, узнав, что осенью и я пойду в школу, изменили ко мне свое отношение, приняв меня в свою ватагу. Новые приятели показали школу, стадион, местный рынок.

Сводили меня мальчишки и на участок железной дороги на окраине города, где они частенько на откосах насыпи собирали куски каменного угля, выпавшие из товарных поездов. Отправляясь на дорогу, я захватил с собой и противогазную сумку, но с трудом насобирал ценного топлива на половину ее. Знаток объяснили, что собирать уголь лучше весной, сразу после таяния снега. Тогда его много, а сейчас угля мало, зато прибавилось сборщиков.

Появилась у меня в это лето и новая забота. Еще весной 1942 года я с мамой, как и большинство эвакуированных в Иланский жителей, ходил на колхозное картофельное поле, мы перекапывали просохшие участки в поисках промороженной картошки, оставшейся в земле после осенней уборки. За один поход нам удалось собрать около ведра. Из этой картошки мама делала лепешки, на голодный желудок вполне съедобные. Жарили их на комбижире или на маргогусалине – тугоплавком искусственном жире, похожим на свечной парафин.

Но весной 1943 года наш единственный выход в поле оказался неудачным: всего несколько мелких картофелин. Некоторые семьи из эвакуированных стали вскапывать целину на окраине города у ручья и сажать картофель сами. Решила присоединиться к этим самостоятельным огородникам и мама. Она вскопала участок целины размером с огородную грядку, наша хозяйка поделилась с нами остатками уже пророщенного мелкого семенного картофеля, и мы успели его вовремя посадить.

Вот тут-то и появилась у меня обязанность ухаживать за посадками, вовремя пропалывать, а иногда и поливать в жаркую погоду. Не знаю, благодаря хорошим семенам и земле или моему почти ежедневному уходу, но наша посадка удалась. Ростки картофеля быстро проросли и устремились вверх. Мама окучила посадку, остальной уход делал я, как заправский юннат. Наш картофель зацвел даже раньше, чем у некоторых наших соседей. Я радовался успеху, но мама почему-то все больше тревожилась. Однажды она пошла вместе со мной осмотреть нашу посадку и обнаружила в ней подозрительные пустоты, кто-то уже начал пользоваться плодами нашего труда. В кустах неподалеку она нашла и пучки картофельной ботвы. Стало ясно, что если мы

не хотим лишиться урожая, то к уборке нужно приступить немедленно. Собрали примерно полтора ведра некрупной картошки. Конечно, если бы картофель рос до сентября, урожай был бы больше, но вряд ли бы мы его увидели. Так и случилось у некоторых наших соседей, запоздавших с уборкой.

Однажды в начале лета маме дали выходной в будний день, и мы отправились в центр города, чтобы приобрести в книжном магазине школьные принадлежности и на рынке посмотреть, что есть из детской одежды. В книжном магазине нам сказали, что школьных учебников нет, старые запасы проданы, а новых учебников не выпускают – война. Тетради тоже бывают с перебоями, так как многие бумажные фабрики остались на оккупированной врагом территории, а спрос большой. Мы приобрели пенал с ручками, перьями и карандашами, а также линейку, циркуль и угольник.

На рынке продавцов оказалось немного, товара тоже. Из детской одежды не было ничего. В основном старушки торговали табаком-самосадом, квашеной капустой и первой летней зеленью – сибирской черемшой.

Мы ничего не купили и поднялись на высокое крыльцо городской столовой, расположенной на краю рынка. На наружной двери столовой красовалось коротенькое меню: «Щи из квашеной капусты со свежей крапивой (без мяса), салат из черемши, морковный напиток, хлеб по карточкам». Мы прошли. Очередь от кассы тянулась почти до дверей, но двигалась довольно быстро. Мы взяли на раздаче все, что было в меню, и отоварили талоны хлебных карточек за этот день. Хлеб оказался свежим и даже теплым. Сам же обед был так себе, мама дома готовила лучше.

В конце августа мы повторили поход на рынок. Его трудно было узнать: за всеми прилавками стояли продавцы, да и покупателей было много. Мама взяла с собой на рынок почти не ношенное крепдешинное платье. Она приобрела его на свадьбу с папой, но после ареста отца ни разу не надевала. Сказала: «Все равно оно теперь мне никогда не понадобится».

На рынке платье быстро купили, почти не торгуясь. Мама приобрела мне ботинки и брюки, хоть и подержанные, но вполне приличные. Мы прошли вдоль рядов с овощами. Чего здесь только не было: картошка и морковь, свежие и малосольные огурцы, лук и чеснок, помидоры и свекла, куриные яйца и молоко. При всем этом изобилии цены, похоже, крепко кусались. Нередко покупатели, узнав цену, даже не торгуясь, отходили в сторону. Неожиданно мама остановилась возле прилавка, за которым молодая симпатичная женщина торговала медом. Хо-

рошо помню цену – 300 рублей за килограмм. Поколебавшись, мама достала из сумки эмалированную кружку и поставила ее на настольные весы. «Взвесьте нам 100 граммов меда!» – попросила она продавщицу. Та сначала взвесила кружку, используя не только мелкие гири, но и медные монеты – тогда все знали, что 5 копеек весят 5 граммов, 3 копейки – 3 грамма, поэтому споров не было.

После этого она стала аккуратно наполнять кружку медом, но немного не рассчитала, и кружка с медом опустилась ниже гирек. Я от волнения аж затаил дыхание, когда она потянулась ложкой, чтобы снять лишнее, но, глянув на мое лицо, она вдруг улыбнулась и, взяв кружку с медом с весов, протянула ее маме.

Я с самого начала войны не видел и не пробовал такой сладости, как мед, готов был управиться с ним за один день, но мама сказала, что это удовольствие нужно будет растянуть на 10 дней, а то зубы заболят. С большим трудом я справился с этим испытанием воли. Так было нужно, ведь бывали перебои с получением сахара по карточкам, и мама последний кусочек подвешивала на нитке над обеденным столом, говоря, что пить чай с сахаром будем «вприглядку». Она иногда вспоминала, что в германскую войну, когда она была еще маленькой, ей часто так приходилось пить чай.

Школа

Со школой я успел познакомиться еще до 1 сентября. Это было двухэтажное деревянное здание с большими окнами. Отопление было печное. Парты в школьных классах стояли в три ряда, в центре каждой парты стояла чернильница-непроливайка.

Первый день начался с небольшого собрания. Нам объяснили, что занятия в школе будут проходить в две смены, наши классы будут заниматься в первую смену. В школьной библиотеке учебников мало, выдавать будут один учебник на двух-трех учеников.

Сначала мы учились писать буквы карандашом в тетрадях и мелом на классной доске. Лишь приобретя некоторые навыки, стали пользоваться ручками и чернилами. Но здесь-то и начались первые трудности. Захваченные из чернильницы капли чернил не хотели держаться на острие стальных перьев и норовили упасть на открытую страницу тетради, превращаясь в уродливые кляксы. Но постепенно этот рубеж был преодолен.

Уроки русского устного языка, рисования и пения проходили без особых проблем. Были в первом классе и уроки военного дела, больше похожие на

уроки физкультуры. В основном все сводилось к умению строиться в шеренгу, в ряд, ходить строем «в ногу» и выполнять команды. Трудность заключалась в том, что команды нужно было выполнять всем одновременно. Учили нас и оказывать первую помощь при легких ранениях.

Вскоре после начала занятий нам объявили: завтра с утра вместо уроков мы всем классом пойдем помогать колхозникам убирать урожай. Наша задача – собирать в принесенные с собой сумки и ссыпать в мешки обломившиеся при жатве колоски. Это будет наша помощь не только колхозникам, но и фронту. Мы с восторгом встретили это известие. В назначенное время строем направились на поле, где уже работали конные жатки, скашивавшие пшеницу. Женщины увязывали скошенные стебли с колосьями в снопы. Построившись за женщинами шеренгой, мы двинулись по полю, собирая колоски.

Наше появление было с негодованием встречено вороньей стаей, уже изготовившейся к пиршеству. Вороны кружились над нами, отчаянно ругаясь, но вскоре, смирившись с неизбежностью, опустились за нами на поле и стали подбирать осыпавшиеся зерна с перезревших колосков.

С небольшими перерывами мы проработали четыре часа, а затем сторож, со старой берданкой охранявший урожай, угостил нас свежим очищенным и разрезанным на аккуратные ломтики турнепсом.

Перед праздником 7 ноября нашему классу дали новое задание: подготовить небольшой концерт и выступить с ним в госпитале для раненых бойцов. В двухэтажном белом здании госпиталя нас провели на второй этаж, ввели в палату. Это был бывший школьный класс, плотно заставленный кроватями. Большинство раненых лежали с тяжелыми ранами, ведь легко раненых в глубокий тыл с фронта не направляли. Мы спели несколько популярных в то время песен – «Катюша», «Огонек», «В далекий край товарищ улетает...», мальчишки читали отрывки из стихотворения Константина Симонова «Сын артиллериста». Декламировали по несколько строк каждый. Помню свой отрывок:

*«Огонь!» – летели снаряды.
«Огонь!» – заряжай скорей!
По квадрату четыре – десять
Было шесть батарей.*

Читал я свой отрывок с таким старанием, что, казалось, мурашки бегают между лопатками. Разве мог я представить тогда, что через пятнадцать лет окажусь на военных сборах в Заполярье и, стоя на вершине сопки в порту Лиинахамари, пытаюсь разглядеть за скалистым хребтом Муста-Тунтури

полуостров Средний, на котором и стояли эти легендарные «шесть батарей».

Наш концерт в госпитале был тепло встречен, нас даже угостили конфетами-подушечками. Мы верили, что помогаем раненым бойцам быстрее поправиться. В наших глазах они были настоящими героями. Девочки старших классов часто дежурили в госпитале, помогая медицинскому персоналу.

С наступлением зимы мы узнали, что старшие школьники готовят для воинов-фронтовиков новогодние подарки. Наш класс тоже захотел принять участие в этом благородном деле. Девчонкам было проще: в то время многие из них уже с ранних лет умели и вязать, и вышивать. Мальчишек выручали родители. Мама раскроила мою старую вельветовую рубашку, сшила из нее кисет, вышила узор. Получилось здорово. Наш хозяин дал мне большой пучок табака-самосада и резак. Я превратил прутья табака в махорку и заполнил кисет. Мама купила на рынке шерстяных ниток, связала носки и варежки. В варежке правой руки было два пальца: большой и указательный, чтобы нажимать на спусковой крючок. На рынке купили кедровых орехов и небольшую баночку меда. Мне осталось лишь написать «письмо неизвестному бойцу на фронте». Посылка получилась почти как у всех. Весь класс с нетерпением ждал ответных писем с фронта, но ответы получили лишь два или три одноклассника. Мы понимали: идет война и не у всех бойцов есть возможность отвечать на письма. Пришедшие с фронта ответные письма зачитывали перед классом и, не скрою, все откровенно завидовали счастливым.

Наступил 1944 год. Мы с интересом наблюдали, как на висевшей в классе карте красные флажки неуклонно движутся на запад. Меня немножко огорчало, что в Карелии эти флажки стоят неподвижно.

Школьная трагедия

Однажды весной произошла беда, потрясшая нашу школу, особенно тех, кто оказался свидетелем происшедшего.

Около школы напротив калитки остановилась конная повозка. Из нее вышел старичок возница. В повозке остались сидеть на сене трое ребят: шестиклассник, был там и что-то прикрывавший старый тулуп. Старичок привез из далекой деревни Иланского района трех осиротевших детей в детский дом и зашел в школу, чтобы узнать, где он находится. Когда он уже был в школе, прозвенел звонок на перемену, школьники гурьбой хлынули на улицу. Я тоже оказался у повозки, разглядывая испуганных шумом малышей.

Мальчишки постарше сгрудились у передка телеги. Кто-то из них приподнял край тулупа, там лежал старый охотничий карабин. Кто-то из мальчишек передернул затвор, сказав, что у его деда был такой же. Еще несколько рук протянулись к карабину: ребятам хотелось потрогать его, погладить приклад. Кто-то потрогал и спусковой крючок. Грохнул выстрел. Ствол лежавшего наискосок повозки карабина смотрел в сторону школьной калитки. Весь заряд почти в упор угодил мальчику, выходявшему в этот момент из калитки, в грудь. Он схватился за место ранения рукой, но кровь струей лилась из раны между пальцами. Он упал. Торопившийся к повозке возница был уже в двух-трех метрах от калитки, опоздал всего на несколько секунд, предотвратить трагедию не успел.

Он сорвал с головы шапку, стал ее топтать. С ним случилась истерика. Выбегавшие из школы учителя пытались оказать мальчику первую помощь и на этой же повозке повезли его в госпиталь. Но мальчика спасти не удалось.

Все случившееся потрясло школу, был объявлен траур. Я уже видел умирающих на дорогах эвакуации. Но эта нелепая гибель школьника в глубоком тылу, где не было войны, шокировала меня. С тех пор всю жизнь я испытывал стойкую аллергию к охотничьим ружьям и охоте.

Возвращение

Во время эвакуации мама поддерживала переписку с семьей старшего брата, оставшегося на неоккупированной части Карелии в деревне Шижня. В мае 1944 года родственники прислали нам вызов, и мы отправились в обратный путь. В школе с пониманием отнеслись к нашему отъезду и досрочно выдали мне табель успеваемости за 1-й класс с отличными оценками по всем предметам. Таких высоких оценок в последующих классах у меня уже не было. Наверное, война повышала чувство ответственности.

Мы снова ехали в товарном вагоне-теплушке, снова на двухъярусных нарах, но настроение теперь стало радостным, приподнятым. Было уже тепло, цвела черемуха. Женщины в вагоне сделали влажную уборку и основательно проветрили вагон, оставив дверь открытой. Дурманящий запах черемухи пропитал весь вагон. Поезд шел быстрее, чем при эвакуации, но мы, как и раньше, останавливались на полустанках, пропуская идущие на фронт поезда с военной техникой. Теперь в этих поездах стало больше платформ с танками и артиллерийскими орудиями. Станные артиллерийские системы, установленные на американских «студебеккерах» и ук-

рытые брезентом, взрослые называли «катюшами».

На некоторых небольших станциях к поезду подходили местные жители-колхозники, предлагая купить у них продукты в дорогу: две-три картошины «в мундире», соленый огурчик и ложку квашеной капусты. Это было очень кстати. Иногда приносили к поезду и ягодные напитки, которым особенно радовались дети.

Поезд неожиданно для нас прибыл в Московскую область. Мы радовались, надеясь увидеть Москву, но оказалось, что наш вагон прицепят к поезду, идущему на Север. В Подмоскovie уже наступило лето, цвела сирень, прохожие были одеты по-летнему, а нам предстояло ехать через Вологду и узловую станцию Обозерскую к берегам холодного Белого моря. По мере приближения к Обозерской нам ста-

К нашему приезду в Беломорск брат мамы уже умер, его жена Анна Ивановна была одна. Их сын Петр Иванович, бывший партизан отряда «Вперед», после тяжелого 57-дневного «голодного» похода в тыл врага был комиссован медицинской комиссией и теперь работал на Сегежском ЦБК. Он и сумел помочь нам получить разрешение на возвращение в Карелию. Теперь мы вместе с его мамой перебрались в Сегежу. Хотя от Сегежи до финских передовых позиций у деревни Ругозеро было всего лишь около 70 километров, в городе было спокойно. Наши войска на Олонецком и Медвежьегорском направлениях перешли в наступление и приближались к Петрозаводску. До освобождения столицы Карелии оставались считанные дни.

Наконец вечером 28 июня Московское радио сообщило радостную весть об освобождении Петрозаводска. Взрослые организовали праздничный стол, пришли соседи, бывшие партизаны – товарищи Петра Ивановича по партизанскому отряду. Это был первый за всю войну настоящий праздник, праздник освобождения родного города, нашей встречи, скорого возвращения домой. Наши войска, освободив Петрозаводск, продолжали наступление. Отступая, финны взорвали мосты через реки Суна и Шуя, разрушали и минировали станционные сооружения. Поэтому наше возвращение в родной город задерживалось. Но через две недели после освобождения города первый пассажирский поезд с Севера отправился в Петрозаводск.

ло казаться, что время повернуло вспять, что мы из лета вновь возвращаемся в весну: замелькали осыпанные белым пухом кусты черемухи, стало прохладно, особенно по ночам. Но нас это не огорчало, ведь мы ехали домой.

В Беломорске мама оформила документы, разрешающие первоочередной проезд в Петрозаводск, хотя город еще не был освобожден от оккупантов. Ей пошли навстречу, учитывая, что до сентября 1941 года она работала в городской пекарне. После освобождения Петрозаводска нужно будет восстанавливать среди первых это производство.

В нашем общем вагоне пассажиров было немного, и мы втроем с Анной Ивановной устроились достаточно удобно. Наш поезд шел медленно, часто останавливался. Угнетающее впечатление произвел на нас вид станции Масельгской, вернее того, что от нее осталось: ни одного целого здания, груды развалин, печные трубы и высокая водокачка, словно мечом великана разрубленная от крыши до основания. Здесь было остановлено наступление финских войск в 1941 году, и линия фронта до июня 1944 года проходила именно тут.

Мосты через Суну и Шую уже были восстановлены, поезд осторожно двигался по ним под наблюдением саперов-мостостроителей. Когда прибыли в Петрозаводск, обрадовались, что здание вокзала сохранилось, что уцелели стоящие рядом четырехэтажные дома. Мы выгрузили вещи, сложили их у ограды привокзального скверика, и женщины сразу же заторопились в город к своим домам, а меня оставили одного присматривать за вещами.

Но разве может девятилетний мальчишка усидеть на чемоданах, когда рядом, на углу улицы Ленина и Онежской набережной, должен стоять родной дом, о котором помнил все эти три долгих года! Я попросил незнакомую старушку, сидевшую, как и я, на чемоданах, присмотреть за нашими вещами, а сам отправился в город с медным чайником в руке и сухарем в кармане. Выйдя на шоссе 1 Мая, я уверенно направился в центр города. Редкие дома по обеим сторонам улицы казались пустыми, но ближе к центру стало оживленнее, появились пешеходы и автомашины.

Первым большим и сильно разрушенным зданием на моем пути оказался университет: весь корпус, выходящий окнами на улицу Гористую, выглядел выгоревшим изнутри, а от корпуса со стороны улицы Ленина осталась груда развалин. Между ними, словно назло войне, стоял уцелевший средний корпус с вестибюлем и актовым залом на втором этаже. От построенной перед войной гостиницы «Северная» осталась лишь колоннада. В грудах кирпича и арматуры трудно было узнать Дом специалистов на углу улиц Ленина и Кирова. Но мой довоенный детский сад, стоящий за ним, сохранился, как сохранились роддом, городская больница и соседние деревянные дома. Сильно пострадал перекресток улиц Ленина и Куйбышева: из четырех двухэтажных домов уцелел один. Но в стороне озера больше разрушений не было видно. Я устремился туда, где напротив симпатичного особняка когда-то известного купца Тиккоева стоял мой дом, старый, ничем не примечательный, но родной. Я увидел его издали, не удержавшись, с разбегу буквально влетел на знакомое крыльцо и огляделся.

Все было как раньше, все на месте, но что-то меня насторожило. Повернувшись лицом к входной двери, я только теперь понял, в чем дело: на двери нашей квартиры висел приколотый канцелярскими кнопками листок бумаги и чужой амбарный замок. На листке четко заглавными буквами было напечатано: «Квартира занята по ордеру горсовета». Внизу стояла замысловатая подпись и печать, а в верхнем углу – штамп.

Эта бумажка была для меня как удар в спину – неожиданный, нечестный, а потому болезненный. Я заплакал и вяло пошел на берег, снял обувь и долго бродил босиком по воде, по камням, вспоминая свое довоенное детство. Потом по кромке воды направился к водной станции и Дворцу пионеров. Я хорошо видел, что на месте легких и красивых павильонов из воды торчат безобразные обгоревшие верхушки свай, но хотелось рассмотреть все внимательней. Каким-то чудом уцелела деревянная арка над входом на пешеходный мостик с надписью «Водная станция «Динамо».

От Дворца пионеров остались обломки стен и груды кирпича. Лишь в глубине двора сохранился небольшой флигель и стрелковый тир. Стоящий рядом с нашим домом дом Архиповых и Амосовых сохранился, на окнах висели занавески, но зайти в их дом я не решился. Я совершил ошибку, не заглянув в квартиру №1 нашего дома. А там, в этой квартире моего дяди Павла Ивановича, в это время находилась моя мама. Павел Иванович, перед войной работавший в Беломорско-Онежском пароходстве, вернулся в город раньше нас на пароходе. Для них это была радостная встреча, а я вернулся на берег, искупался, доел оставшийся в чайнике кисель с сухарем, напился вкуснейшей онежской воды и отправился в обратный путь.

Я устал, шел медленно, а на шоссе 1 Мая, услышав шум догоняющей меня автомашины, вышел на обочину и стоял в нерешительности: в кузове были красноармейцы, а в кабине их командир. Машина остановилась, молоденький лейтенант открыл дверцу и скомандовал: «Садись!», я с радостью вскарабкался в кабину. Выслушав мой коротенький рассказ о первой в моей жизни «самоволке», лейтенант коротко приказал водителю: «На вокзал!»

Когда мы свернули на улицу Мурманскую, я увидел идущую впереди нас маму и закричал, но водитель, улыбаясь, показал мне на клаксон, и я изо всех сил надавил на него. Мама испуганно оглянулась. Лейтенант подвел меня к маме и сказал: «Вот, подобрали вашего Робинзона. Принимайте в целости и сохранности, больше не теряйте!» Мы поблагодарили его и водителя, пошли на вокзал, а автомашина с военными отправилась дальше.

Анна Ивановна уже вернулась, наши вещи были на месте, наказывать меня за отлучку мама не стала. Анна Ивановна вернулась не одна, а со своим соседом Красковым, который до войны работал извозчиком, помогал эвакуируемым жителям отвозить вещи на вокзал и на пристань, а теперь развозил возвращающихся горожан с вещами по домам. Он доставил нас на Перевалку к дому Анны Ивановны, помог занести вещи на крыльцо, пригласил в гости. В ее трехкомнатной квартире жили переселенцы со Свири, человек восемь или десять, две семьи. Это были женщины и дети, прежде находившиеся в финском концлагере №6, располагавшемся неподалеку. Нам освободили маленькую боковую комнату, и мы наконец-то почувствовали себя как дома, хотя пока поселились у родственников, дорогих и близких нам людей.

Бывший финский концлагерь №6 занимал территорию в районе улиц Олонецкая, Перевалочная, Островского. Здесь не было специально построенных бараков. Узники лагеря жили в обычных домах, заполненных до отказа. Территория лагеря была обнесена колючей проволокой, по углам стояли сторожевые вышки. В некоторых домах все еще находились бывшие узники, которым пока некуда было податься – война еще шла.

В семьях бывших узников, живших в нашем доме, были двое мальчишек, примерно моего возраста. Они сводили меня в бывший лагерь, показали дом, в котором они жили, рассказали о порядках, установленных оккупационными властями в концлагере. Ребята сводили меня и на полянки на берегу речки Неглинки, где уже начала созревать земляника. Но поход в лес был безрезультатным. Почти сразу за окраиной Перевалки на обочине дороги появились предупреждающие фанерные таблички с надписью: «ЗАМИНИРОВАНО!» Под густыми елями были видны усыпанные крупными, сочными ягодами кусты черники, но мы колебались. Громыхнувший где-то далеко впереди взрыв заставил нас стремглав бежать домой.

Через две-три недели нам разрешили вселиться в свою довоенную квартиру, и мы расстались с гостеприимной тетей Аней. Когда вошли в квартиру, удивились, что она была абсолютно пустой, даже старых табуреток не оказалось. Зашедшие к нам довоенные знакомые рассказали, что в нашей квартире во время оккупации жили финские солдаты, но, уходя из города, они ничего из мебели с собой не брали, что это дело рук мародеров. Нам даже указали дом, в который эти мародеры тащили все, что могли, после ухода финских войск и до возвращения нашей власти.

Мы зашли в этот дом, и мама сразу узнала свою

кровать, комод и стол. Но горластая женщина средних лет, вселившаяся в этот дом во время оккупации, ничего нам возвращать не хотела. Ее поддерживала и другая женщина, то ли сестра, то ли подруга. Их дети-подростки сразу же ушли. Мне показалось, что им было стыдно за своих родителей. С большим трудом нам удалось забрать лишь свой обеденный стол, стоявший в сенях под грузом велосипеда и швейной машинки, видимо тоже «позаимствованных» из чужих опустевших домов.

Первую ночь нам пришлось спать на полу. Когда на второй день мы зашли за оставшейся мебелью, нашей кровати с пружинным матрасом на месте не оказалось, но комод с выломанными замками в ящиках стоял уже в сенях. Видимо, этой бывшей «узнице», как она себя назвала, он не очень-то и был нужен. Мама с дядей Павлом принесли комод домой. У дяди Павла, в отличие от нас, все оставленное при эвакуации имущество сохранилось. В его квартире в период оккупации жил финский офицер. Все было аккуратно прибрано, кровати заправлены, на окна красивые занавески. Мародеры хотели залезть и в квартиру дяди Павла, но им помешал его сосед. Он пригрозил, что сообщит в НКВД, если они сорвут замок и проникнут внутрь, угроза подействовала. Дядя Павел поделился с нами частью сохранившейся мебели: дал нам кровать сына, умершего в эвакуации, кухонный столик, пару стульев, посудный шкафчик.

А та мародерская семья, с которой мы столкнулись, еще раз проявила свой характер, когда вернулись из эвакуации довоенные жители дома, который они заняли. Настоящих хозяев не пускали в свой дом! Во время перепалки прежняя хозяйка назвала этих вселившихся при финнах новых хозяев оккупантами. Так и сказала: «Сначала оккупантами были финны, а теперь вы оккупанты!» Вселиться в свой дом ей удалось лишь при помощи представителя городской власти, уже начавшей действовать в городе. Таких конфликтов было немного. Я стал свидетелем лишь одного этого случая. У нашей тети Ани на Перевалке никаких проблем с поселившимися в ее доме бывшими узниками концлагеря не было. Они выехали к себе домой незадолго до возвращения из Сегежи семьи Петра Ивановича.

В нашей квартире в сенях сохранился довоенный ларь. Мы вначале не обратили на него внимания, так как хранить в нем нам было нечего. Но когда я из любопытства заглянул внутрь, то обнаружил там пачку старых финских журналов. Я стал разглядывать картинки, но без прочтения текста невозможно было что-нибудь понять. Я уже хотел выбросить их, но вдруг в одном из последних журналов увидел серию небольших картинок, на которых были изображены финский маршал Маннергейм и наш товарищ Ста-

лин. На первом рисунке – высокий Маннергейм, убегающий от невысокого Сталина, который с дубиной в руке гонится за ним. Подбежав к речке, длинноногий Маннергейм перепрыгивает ее, а низенький Сталин, пытавшийся огреть его по спине дубиной, промахивается и кувыркается в речку. На последнем рисунке Маннергейм стоит на берегу речки и смеется, а Сталин, стоя по пояс в воде посреди речки, смахивает с усов капли воды. Финский художник, видимо, не был лишен чувства юмора. Но мне смеяться совсем не хотелось. Мама увидела у меня в руках этот журнал с картинками, сразу его отобрала, порвала на мелкие куски и бросила в печку. Я стал рвать остальные журналы и, не разглядывая, бросал страницы в огонь. Вскоре от всей этой пакки осталась лишь куча пепла.

На следующий день я отправился к пристани по знакомой тополиной аллее на берегу озера. Трудно было узнать в изуродованных, опаленных жаром от горевших зданий деревьях довоенных красавцев. На пристани царило оживление: работали водолазы, опускаясь под воду для осмотра затопленных финнами при отступлении буксирных пароходов и подготовки их к подъему. Над водой видны были только мачты и трубы лежащих на дне гавани судов. У причала стоял пароход, с которого сходили вернувшиеся в город жители.

Все дома, прилегающие к Онежской набережной, сгорели, от кинотеатра «Красная звездочка», речного вокзала и пекарни, в которой работала мама, остались одни развалины. У устья Лососинки – следы пожаров от сгоревшего лесозавода, на котором работал мой отец. Я не мог больше смотреть на эти страшные следы войны и побежал домой.

Мама устроилась на работу сначала во временную пекарню на улице Володарского, а после восстановления хлебозавода перешла на работу в детскую столовую, открывшуюся на улице Ленина, совсем близко от нашего дома. Жизнь налаживалась, но возникла проблема с заготовкой дров на зиму. Пришлось собирать разбросанные по берегу обломки бревен, досок и прочего хлама, пилить их и на себе таскать домой. Выручил и остов сгоревшей баржи, выброшенный штормами на камни у Левашовского бульвара. Жители ближайших домов приходили на его разборку целыми семьями, и вскоре от обгоревшей баржи осталась только кучка металлолома. Берег озера стал чище. Произошло еще одно радостное событие: из города Вельсгонска вернулась мамина сестра с двумя сыновьями и нашей бабушкой. Бабушка стала жить с нами.

В сентябре открылась 17-я начальная школа на улице Кирова у моста через Неглинку, и я продолжил учебу во втором классе. В этой школе были те

же проблемы: не хватало учебников, наглядных пособий, тетрадей, но главное – не было заготовлено на зиму дров. Проблемы подготовки города к зиме беспокоили и руководителей города. Началась отправка на заготовку дров в ближайшие лесные поселки работников предприятий и учреждений. Труд предстоял тяжелый, ручной, так как леспромхозы были разрушены, не было техники, не хватало даже лошадей. От детской столовой отправили на лесозаготовку двух человек, в том числе и мою маму. Сказали, что командировка продлится месяц. Я остался с семидесятишестилетней бабушкой один. Хорошо, что в нашей двухкомнатной квартире поселилась семья Максимовых, тетя Аня с дочерью Верой и сыном Юрием, моим ровесником и одноклассником. Они заняли комнату, в которой до войны жили наши родственники, не вернувшиеся из эвакуации.

Морозы усиливались, в классах было холодно, приходилось заниматься в верхней одежде. Чернила в наших чернильницах-непроливайках превращались в лед. Зимние каникулы в школе продлили. Когда лед в Петрозаводской губе окреп, была открыта ледовая дорога от улицы Военной до противоположного берега правее Лой-острова. Там, прямо в зеленой зоне, была выделена делянка для заготовки дров. Деревья валили ручными пилами, топорами обрубали сучья, раскряжевывали на двух и трехметровые кряжи, подвозили к берегу, грузили на автомашины и отправляли по ледовой дороге в город. На дрова шла и деловая древесина. Доставленные в город дровяные кряжи разделялись и раскалывались теми, кому они предназначались. В школе эту работу выполняли женщины-учителя и приходившие на помощь родители. В меру сил помогали и ученики, в основном укладывая дрова в поленицы.

Когда истекло время маминой командировки на лесозаготовку, нам сообщили, что ее задерживают еще на месяц. Мы с бабушкой совсем приуныли: ведь по продуктовым карточкам нам полагалось только по 300 граммов хлеба на день, немного жиров и сахара. Все остальное приходилось приобретать на рынке. Мамина зарплата, которую она нам присылала, не хватало.

Неожиданно помогла заведующая детской столовой, она же руководящий повар, Анна Сергеевна – добилась выделения нам продовольственной посылки из поступившей в Петрозаводск партии помощи американского Красного Креста. В картонной коробке были банки со свиной тушенкой, белоснежным салом «Лярд», яичный порошок, сухое молоко, чай, кофе, сахар-рафинад и даже две плитки шоколада. Ничего подобного за всю войну я не только не пробовал, но даже не видел. Немно-

го огорчило, что в коробке оказались лыжные ботинки гулливеровского размера, занимавшие много места. Но и они пригодились: мы потом обменяли их на рынке на детские валенки, что было для меня важнее. Жаль, что в посылке не было ни письма, ни адреса добрых людей из далекой Америки. Я хотел все сразу же попробовать, но мудрая бабушка установила жесткую норму расходования этого богатства и оказалась права: мама вернулась домой с лесозаготовок только через два с половиной месяца, исхудавшая, почерневшая, с грубыми мозолями на руках. Увидев, что часть продуктов из посылки мы сохранили до ее приезда, она даже заплакала. Мама, как и мы с бабушкой, опасалась, что ее могут задержать на лесозаготовках до конца зимы, и очень переживала за нас.

В эти дни пришла радостная весть: младший брат мамы Алексей Иванович жив! В 1941 году он служил в Таллинской комендатуре водителем полуторки – грузовичка ГАЗ-АА, развозил по городу наряды военных патрулей на дежурства. Последнее письмо из Таллина было датировано 31 июля 1941 года. А 28 августа наши войска оставили город. Теперь, через три с половиной года, он сообщил, что при выполнении последнего задания его автомашинка была подбита, он с товарищами отходил к причалу вместе с бойцами заградительных отрядов, прикрывавших посадку на корабли воинских частей и населения, покидающего город. Когда они подошли к своему причалу, посадка уже закончилась. Все корабли покинули гавани и сосредоточились на внешнем рейде. В гаванях сновали только катера с саперами-подрывниками, затапливавшими неисправные суда на фарватерах. Те, кто не успел на посадку, попали в плен. У них уже даже патронов к винтовкам не было.

Потом немцы передали пленных эстонским националистам, организовавшим свой лагерь. Впоследствии эстонцы обменялись частью военнопленных с финнами, меняя, в основном, карелов на эстонцев. Так мой дядя Леша оказался теперь уже в финском плену.

После нашего контрнаступления и заключения с финнами перемирия в октябре 1944 года произошел обмен финских военнопленных на наших. Теперь дядя находится под Тулой уже в нашем «фильтрационном лагере». Он написал, что проверка всего происшедшего с ним закончена. Он не виновен в том, что в тех обстоятельствах попал в плен. Приехать домой пока не может. Сейчас, как и в Таллине, он крутит баранку полуторки, выполняя хозяйственные перевозки.

Дядя Леша вложил в свое письмо и фотографию с товарищами, пояснив, что одежда на них – финская, так как своя за три года плена так износилась и ист-

репалась, что даже финнам стало стыдно в таком виде возвращать наших военнопленных.

Победные залпы в Петрозаводске

Весной 1945 года я заканчивал второй класс. После трудной холодной зимы весна была особенно радостной. Красная армия завершала разгром фашистов. Город возрождался из руин, были восстановлены мосты, работали магазины, аптеки, некоторые предприятия, открылись детские сады и школы, в уцелевшем актовом зале университета шли кинофильмы.

Помню, что на улице Комсомольской стояло сильно пострадавшее в 1941 году здание НКВД. Стены, часть перекрытий и крыша сохранились, но внутри дом сильно выгорел. У стен здания были установлены строительные леса и на них вывешивались большие полотнища с карикатурами Кукрыниксов, Б.Ефимова и других художников. Мне запомнились две выразительные карикатуры. На одной – молодой художник смотрит в небо и в облаках видит себя в образе Гитлера. Подпись гласила: «Художник Шикльгубер мечтает стать фюрером Гитлером». На другой Гитлер с побитой физиономией смотрит в небо и в облаках видит себя в образе художника. Подпись: «Фюрер Адольф Гитлер мечтает снова стать художником Шикльгубером».

Карикатуры были настолько выразительными, что школьники часто после уроков прибегали их посмотреть. Однажды, уже в конце мая, я увидел, как мимо этих карикатур ведут колонну немецких военнопленных. Они поворачивали головы и разглядывали рисунки. Некоторые отворачивались, опускали головы, другие о чем-то переговаривались. Смысл рисунков был им понятен без переводчиков. Возможно, их специально провели мимо этой своеобразной художественной выставки.

9 Мая, в долгожданный День Победы, мы, как обычно, пришли на уроки в школу и только здесь узнали, что фашистская Германия капитулировала. Уроки отменили, нас отпустили по домам, но сказали, что будет праздничный митинг на площади Ленина и нам нужно собраться у здания пединститута. Народу собралось много, и вся сводная колонна направилась на митинг, где выступали члены правительства, военные, известные жители города. После митинга началось праздничное гулянье. Улица Карла Маркса, тогда в городе единственная с асфальтовым покрытием, была заполнена горожанами. Возникли импровизированные центры веселья, где под музыку невесты откуда появившихся гармонистов и баянистов зазвучали песни, закружились в радостном вальсе пары.

Мне особенно запомнился гармонист в солдатской гимнастерке, громко исполнявший популярный тогда «Марш артиллеристов». Слушатели дружно подхватывали припев:

*Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовёт отчизна нас!
Из сотен тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину – огонь! Огонь!*

Много лет спустя на появившихся военных фотграфиях я с удивлением увидел, что именно на этом месте, на перекрестке улиц Карла Маркса и Дзержинского, в октябре 1942 года финские генералы принимали парад своих войск в годовщину захвата города. Символическое совпадение...

Массовое гулянье продолжалось до вечера. А вечером через площадь Кирова к Онежской набережной прошла колонна боевой техники для праздничного салюта. На берегу установили в длинный ряд 122-мм дивизионных гаубиц, 120-мм минометов, 76-мм пушек. На улице Пушкинской такой же длинной шеренгой выстроились красноармейцы с ракетницами в руках.

И грянул праздничный салют! Десятки орудий выстрелили одновременно, выплеснув пламя холостых зарядов в сторону озера. В ту же секунду в небо взвились разноцветные ракеты. Это было потрясающее зрелище среди руин сгоревших дотла кварталов города, словно напоминавшее всем, какой дорогой ценой досталась нам долгожданная Победа.

24 июня 1945 года в Москве состоялся Парад Победы. По радио велась трансляция с Красной площади, а вскоре в кинотеатрах стал демонстрироваться киножурнал «Парад Победы». Петрозаводчане гордились тем, что Парад открывал сводный полк Карельского фронта, возглавляли который маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков и генералы Скворский, Фролов и Щербаков.

Все с нетерпением ждали возвращения с войны фронтовиков, но демобилизация задерживалась. Возвращались домой лишь раненые из госпиталей. Предстояла еще война с Японией. Полевое управление Карельского фронта было направлено на Дальний Восток и вошло в состав Полевого управления Приморской группы войск, которая 5 августа была переименована в Первый Дальневосточный фронт, возглавляемый К.А. Мерецковым. Переезд управления из Карелии на Дальний Восток специальным поездом был настолько засекречен, что все сотрудники были в

гражданской одежде, а маршал Мерецков значился «генерал-полковником Максимовым».

Возрождение

Летом 1945 года в городе начались массовые работы по разборке разрушенных зданий и расчистке территории. При разборке руин учебных корпусов университета обломки зданий и мусор сваливали в низину на улице Гористой между университетом и пединститутом и утрамбовывали бульдозером. Улица Гористая стала ровной, прямой и широкой. Пришлось сменить и название: она стала называться улицей Антикайнена.

При разборке руин кирпичных зданий старались уцелевшие кирпичи очищать от остатков раствора и складывать отдельно, чтобы снова их использовать. У некоторых зданий хорошо сохранились фундаменты, и при восстановлении домов их снова использовали.

Открылось автобусное сообщение между вокзалом и площадью Кирова, использовались старые автобусы ЗИС-8 и Зис-16. Автопарк разместился в помещении бывшего винзавода и винных складов на Онежской набережной, недалеко от моего дома. В конце лета появились и «трофейные» немецкие автобусы. По воскресным дням иногда на площади Кирова даже выстраивалась очередь, чтобы прокатиться на них. Но вскоре все эти «трофеи» вышли из строя, так как к ним не было запчастей, а улицы города были сильно разбиты во время войны. И снова наши старички ЗИС-8 и ЗИС-16 стали пользоваться спросом.

На Онежском озере появился небольшой пассажирский пароходик «Джамбул», тоже трофейный, но только финский. Он стал обслуживать пригородную линию Петрозаводск – Зимник – Соломенное – Петрозаводск, пользовавшуюся популярностью и у петрозаводчан, и у жителей прибрежных поселков, так как автобусное сообщение между Петрозаводском и Соломенным еще не было организовано.

В городе открылись два кинотеатра: кинотеатр «Сампо» на Зареке, а в центре города фильмы можно было посмотреть в уцелевшем корпусе актового зала университета. Демонстрировались наши довоенные картины, а также фильмы наших тогдашних союзников. Нам, мальчишкам, больше всех нравился кинофильм «Тарзан» из 12 или 14 серий, в котором роль главного героя исполнял Вайсмюллер, трижды олимпийский чемпион по плаванию. Но чтобы попасть в кино на один сеанс, нужно было собрать примерно 1,5 кг цветного металлолома и сдать его в приемный пункт утильсырья на площади Кирова.

Не каждый день мне с друзьями удавалось заработать на билет в кино. Но однажды нам повезло. Роясь в развалинах довоенной типографии на улице Пушкинской, мы проникли в подвальное помещение и обнаружили настоящий клад – на стеллаже у стены, аккуратно выложенные в ряд, лежали бруски баббита, сплава на основе свинца. Бруски были тяжелые, около двух или трех килограммов каждый. А рядом, на столе в невысоком ящике, разделенном на ячейки для букв, лежал готовый шрифт. Мы обрадовались и стали носить домой бруски баббита по паре штук за ходку. У каждого из нас набралось их по шесть штук. Быстро стало темнеть, мы сильно устали и оставшиеся бруски решили забрать на следующий день. Свой «лаз» мы тщательно замаскировали, забросали битыми кирпичами. Когда утром мы пришли за нашим «кладом», оказалось, что нам уже основательно «помогли». Кроме рассыпанного на полу шрифта уже ничего не было.

На улице Куйбышева в полуподвале единственного уцелевшего на ней каменного трехэтажного дома открылся спортивный магазин. Товаров в нем было немного, но зато были самые нужные нам лески, крючки, поплавки разных размеров и форм. Денег, вырученных за сданный в утиль баббит, нам хватило не только на новые серии «Тарзана», но и на рыболовные снасти. Мы сразу превратились в заядлых рыболовов, благо жили на Онежской набережной. Ловили рыбу с пожарных пирсов, а иногда и с притопленных барж у пристани. Уху из пойманной рыбы варили иногда здесь же, на берегу. Какое же это было наслаждение – хлебать из общего котелка уху из рыбы, пойманной своими руками, в то, еще голодное, время! Ловили в основном окушков, ершей, плотичек, иногда попадались и сижки. Но подлинным наказанием для нас были колюхи. Эти мелкие рыбешки всего с мизинец длиной лихо объедали червяков, но сами в уху не годились. Даже коты, когда их угощали колюхами, брезгливо отворачивались.

Немецкие военнопленные. Отто

Немецкие военнопленные, прибывшие в Карелию, частично работали на лесозаготовках, обеспечивая дровами города, в том числе и Петрозаводск. Они восстанавливали судостроительный завод «Авангард», сооружали домостроительный комбинат, осуществляли капитальный ремонт и расширение городских улиц, сильно пострадавших в годы войны.

Улица Ленина была расширена, обновлено бу-

лыжное мощение, установлены гранитные поребрики, высажены деревья. Шоссе 1 Мая также подверглось коренной реконструкции. Его тоже расширили, убрали булыжное мощение, заменив брусчаткой, доставленной из Рыбреки и Шокши. Брусчатка, уложенная дугами, напоминающими вид рыбьей чешуи, смотрелась красиво. Вдоль шоссе по обеим сторонам были высажены деревья.

На Онежской набережной немецкие военнопленные летом 1946 года приступили к восстановлению Водной станции в упрощенном варианте. На верхушках обгоревших свай сделали обрешетку из толстых досок, а на ней в полутора метрах от воды устроили дощатый настил, на котором установили два павильона. Бывший плавательный бассейн стал стоянкой для прогулочных лодок. Ряжевые волноломы, заполненные бутовым камнем, за которыми до войны укрывались катера, яхты и лодки, восстанавливать не стали.

Когда прошло уже больше года со дня капитуляции Германии, к немецким военнопленным, проходившим по городу на работу и обратно колоннами по 4 человека в ряд в сопровождении конвойных, все привыкли и не обращали на них внимания. Среди работавших на восстановлении Водной станции были умельцы, вырезающие из обрезков досок фигуры человечков, зверюшек и прочие детские игрушки. Им разрешали иногда отлучаться без конвоя до ближайших домов, чтобы обменять свои творения на хлеб, сухари, картошку.

Однажды утром, когда я завтракал, раздался стук в дверь. Я открыл, и в комнату вошел человек в немецкой форме. На солдата он не был похож – художный высокий парнишка, надевший шинель будто с чужого плеча, висевшую на нем как на вешалке. Он достал из кармана игрушку: два деревянных забавных медвежонка-акробата на палочках с толстыми нитками. Когда он раздвигал и сдвигал палочки, нитки поочередно натягивались и медвежата смешно кувыркались.

Видя, что игрушка мне понравилась, он произнес: «Хлеб, яйца». У меня ни хлеба, ни яиц не было. Но в плоском солдатском котелке, стоявшем на столе, были кусочки пригоревшей, почерневшей каши. В детской столовой, где работала мама, перед мытьем котлов с них тщательно соскребали пригоревшую кашу, которую по очереди давали работникам, имеющим детей. Раз два в неделю и мне доставался котелок такой «каши».

Увидев на столе котелок, он спросил: «Каша?» Я утвердительно кивнул головой. Он отдал мне игрушку, я показал ему на стул. Солдатик снял с головы пилотку, сунул ее в карман и вытащил из него ложку. Я насыпал ему в тарелку этой «каши»,

и теперь уже вместе мы продолжили завтрак. Он ел торопливо, но сухая пригоревшая каша застревала в горле, и он раскашлялся. На столе у меня стояла полулитровая банка молока. Половину молока я выпил еще до его прихода, но, поколебавшись, налил и ему в стакан часть остатка. Это молоко два раза в неделю заносила к нам молочница, приезжавшая на пароходе из Зимника по утрам и обходившая квартиры своих постоянных попутателей.

После завтрака солдатик огляделся. Увидев портрет отца в черной траурной рамке, что-то спросил. Я не понял его, но догадался и ответил: «Папа». Он снова спросил: «Зольдат?» Я покачал головой. Мне казалось странным, что мы понимали друг друга. Ведь в моем багаже немецких слов были только «хальт», «хенде хох», «Гитлер капут» и «фрицы». Ему пора было уходить, но он медлил, колебался. Наконец, показав на себя, произнес: «Отто». Я догадался, что это его имя, и, показав на себя, сказал: «Толя». Он не понял. Тогда я произнес: «Анатолий». Он улыбнулся, повторив мое имя по-своему – Анатоль, и, попрощавшись, вышел.

Я показал игрушку друзьям, она всем понравилась. Один из них предложил мне за нее перочинный ножик. Игрушку он хотел подарить своей младшей сестренке. У нее, как и у меня, за всю войну никаких игрушек не было. У ножика одно из двух лезвий было сломано, но я на обмен согласился, ведь для рыболова ножик важнее игрушки.

Отто заходил к нам еще два раза. Один раз он принес карманный фонарик, вернее корпус фонарика с большим отражателем и вытисненным словом DIAMANT под ним. Батарейки и лампочки не было. Позже я купил их в спортивном магазине. Фонарик впоследствии прослужил мне очень долго. Мы снова вместе позавтракали. Отто пытался мне что-то сказать, несколько раз произносил слово «Дрезден», но я ничего не понял. Мне показалось, что он называл город, в котором жил, или что-то с ним связанное. Возможно, он хотел обменяться адресами. В третий раз он зашел в конце дня и не застал меня, дома была мама. Она подумала, что он заходил к нам, чтобы попрощаться, так как сказал что-то вроде: «Анатоль, то сфитанья». Больше я его не видел. Восстановление Водной станции завершилось, и немецких военнопленных сюда больше не приводили. Странно, но чувства вражды он не вызывал. Это был уже не вражеский солдат, а просто чужой человек, вызывающий скорей сочувствие, чем злость.

В пионеры? Нельзя!

Весной 1947 года накануне праздника 1 Мая, когда я заканчивал 4-й класс, наша классная руководительница объявила, что в честь праздника будет организован прием в пионеры и хорошо успевающие ученики, не имеющие нарушений дисциплины, могут написать заявления. Я хотел стать пионером, с удовольствием смотрел кинофильм «Тимур и его команда» и считал, что меня могут принять, так как учился на «4» и «5». Под диктовку учительницы заявления написали большинство ребят нашего класса. Я с мамой заранее приобрел красный галстук, научился его аккуратно завязывать.

Через несколько дней сконфуженная учительница пришла к нам домой и принесла мое заявление маме. Оказалось, что при обсуждении наших заявлений какой-то важный чиновник предложил не принимать в пионеры тех ребят, у которых недостаточно «чистые» биографии близких родственников, осужденных в 30-е годы, побывавших в плену или оккупации. Вдруг, мол, они «не оправдают доверия». Таких в нашем классе набралось едва ли не треть. Я расстроился чуть не до слез.

Четвертый класс я по инерции закончил без троек, но что-то со мной случилось: пропало желание учиться хорошо, и в следующих классах я стабильно держался в середнячках. Мой дед Василий Максимович Жданов, вернувшийся в 1946 году из эвакуации в родную деревню, иногда навещал нас. Узнав, что мне дали «отлуп» от пионерии, он спокойно сказал: «Главное не в том, пионер ты или нет. Главное – учись, стань грамотным и сильным, знай себе цену и не хнычь, умей переносить трудности. И не надо высовываться. Ведь и непогода валит в лесу не твердо стоящие на земле деревья, но высовывающиеся над другими».

Деда я уважал, даже несмотря на то, что он все сложные 1930-е годы провел на печально знаменитом Острове каменотесов – Большом Гольце у восточного побережья Онежского озера. Именно здесь бывшие карельские крестьяне, ставшие «каменотесами», добывали крепчайший шальский гранит, глыбы которого вручную на вагонетках перевозили в каменотесный цех, вручную их обрабатывали, превращая в аккуратные гранитные блоки и плиты, которые отгружали строителям для памятников великим вождям революции: В.И. Ленину в Петрозаводске, С.М. Кирову в Ленинграде, на строительство Московского метрополитена и другие стройки социализма.

Нет худа без добра, – гласит русская поговорка. 1947 год был урожайным, и в декабре была отмене-

на карточная система снабжения населения продуктами первой необходимости. На полках магазинов появились в свободной продаже не только хлеб белый и черный, но и булки, сахар, конфеты, маргарин и многое другое. Улучшилось снабжение и промтоварами. В детской столовой отменили посещение только по талонам, и я теперь мог наравне со всеми приходить обедать к маме. Маму перевели работать на должность «повар-кондитер». Она теперь занималась выпечкой пирожков, ватрушек, пирогов и даже делала пирожные – к праздникам. Зарплату ей сразу увеличили в два раза. В довоенной трудовой книжке у мамы была запись: «Принята на работу в качестве пекаря-кондитера». Но во время войны такая профессия была не нужна, и ей приходилось работать то грузчиком в пекарне, то кухонной работницей в столовой на низкооплачиваемой работе. Теперь все стало как прежде, до войны.

В декабре была произведена денежная реформа. Старые бумажные денежные купюры обменивались на новые из расчета один к одному. Крупные сбережения на сберкнижках от 10000 рублей и более обменивались из расчета три к одному. У нас никаких сбережений не было, и мы ничего не потеряли. Металлические монеты сохранили свой номинал и не обменивались. Денежная реформа была проведена неожиданно, и кое-кому, в основном спекулянтам, высокооплачиваемым чиновникам, державшим свои деньги в зачатках, нанесла удар.

Весной 1948 года немецкие военнопленные были отправлены к себе на родину. Их серые колонны на улицах города больше не напоминали о минувшей войне. Руины сгоревших в 1941 году прибрежных

кварталов уже были разобраны, на их месте было решено создать Парк Победы. Летом размечались и прокладывались аллеи и дорожки, ставились указатели, где и какие породы деревьев нужно будет высадить. В сентябре начались посадки. Казалось, все население выходило на эти озеленительные субботники и воскресники. Посадочный материал – березки, ольху, черемуху – привозили из леса. Акации, сирень и другие кустарники брали при прореживании посадок в старых парках и скверах. Активное участие в этих посадках принимали и школьники, отправляясь на субботники после уроков. Не отставал от других и мой 6 «А» класс девятой средней мужской школы. В нашем классе были ребята разных возрастов, от тринадцати до семнадцати лет, из-за войны в разное время начавшие ходить в школу. Но посильной работы хватало всем. От старой Онежской набережной осталась только опаленная военным пожаром тополиная аллея да огромный реликтовый валун на берегу, возле стыка бывшей улицы Малой Подгорной с Онежской набережной.

Этот огромный валун диаметром около пяти метров находился на самой кромке берега. Он частично врос в берег, а с другой стороны его омывали онежские волны. Но при проведении реконструкции Онежской набережной в конце 80-х и начале 90-х годов прошлого столетия этот пришелец из ледниковой эпохи исчез. То ли его засыпали землей, выравнивая берег, то ли просто взорвали.

Военное детство давно закончилось. Остались только воспоминания.

Анатолий Александрович ЖДАНОВ

родился в 1935 году в Петрозаводске.

Окончил Петрозаводский университет,

работал в лесной промышленности,

преподавал в Петрозаводском

лесотехническом техникуме.

Выступал в карельской печати с воспоминаниями.

В журнале «Север» публикуется впервые.

